ВЛАДИМИР
ГЕССЕН

ГЕРОИ
И
ПРЕДАТЕЛИ

НЬЮ ИОРК

Моим дорогим друзьям
Маргарите и Сергею
на добрую память
от автора

Париж, 1 июня 1947 г.

ВЛАДИМИР
ГЕССЕН

ГЕРОИ
И
ПРЕДАТЕЛИ

НЬЮ ИОРК

Printed in U. S. A
RAUSEN BROS.,
417 Lafayette Street.
New York 3, N. Y.
317

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга «Герои и предатели» составилась из очерков, печатавшихся частично в «Новом Русском Слове». Они привлекли немедленно внимание и интерес читателей. Большая часть их относится к необыкновенному явлению, кратко названному во Франции «La Résistance».

Автор книги сам принимал участие в этом большом движении. Я с точностью не знаю, в какой пропорции смешиваются в его очерках пережитая им «Wahrheit» и законная «Dichtung» писателя. Думаю, что полной правды нет и в не-беллетристических воспоминаниях самого полковника Реми, имевших огромный успех в Европе. Да и возможна ли в таких произведениях полная правда? Но участие автора в описываемых событиях чрезвычайно усиливает интерес к книге и ее ценность.

Риск, которому подвергались участники «Résistance», даже работавшие на второстепенных постах, был, конечно, много страшнее риска офицеров и солдат на войне. Все-же, как ни быстро идет вперед человечество, военнопленные пока не подвергаются истязаниям в застенке. Правда, многие раненые в современных войнах физически страдают не меньше, чем люди на пытке. От огнеметов, например, солда-

ты сгорают живьем или, что еще хуже, умирают медленной смертью от ожогов. Есть и раны, представляющие собой настоящее издевательство над выжившим человеком. Но у солдат, которые вдобавок почти всегда находятся на миру, где и смерть будто бы красна, нет вечного ежедневного нервного напряжения героев (именно героев) Résistance. Для людей с воображением оно бывало порою нестерпимым: «Быть может, сегодня, через час, через два, схватят? Будут пытать? Как? Выдержу ли? Быть может, выдам товарищей? Быть может, вся моя жертвенность, все мужество, все страдания, кончатся позором. Не лучше ли тогда было спокойно сидеть дома, ни во что не вмешиваясь? Люди, мирно занимавшиеся в течение этих лет своими делами и делишками, опозорены не будут. Так как они все-же составляют громадное большинство населения, то им верно их бездействия никто и в упрек не поставит или поставит разве в очень общей, безличной теоретической форме. А буду опозорен я, хотя я в течение года, двух лет был на волосок от гибели каждый день». Мне приходилось читать отчеты о процессах «предателей», — там это настроение порою сказывалось ясно. Беру в кавычки слово «предатели» потому, что не следовало бы легко его бросать без кавычек, когда дело идет о показаниях, данных в застенке. Думаю даже, что только самые исключительные люди могли не предавать, подвергаясь изощренным пыткам. Между тем судьи очень часто по разным, нередко вполне законным, причинам никакому риску в пору немецкой оккупации не подвергались (не стоит говорить о бесчисленных людях, ставших доблестными героями Résistance — уже после окончания войны).

В очерках В. И. Гессена есть немало предателей. Повидимому автор лично знал некоторых из них. Он их «изнутри» показывает неохотно. Этого, правда, в кратких очерках не сделаешь, как бы хорошо они ни были написаны. По прописи учебников словесности, «писательская индивидуальность определяется выбором сюжетов». У автора этой книги очевидное тяготение к большим трагическим сюжетам, — других у него почти нет. Везде действие очень напряженное, и это большое достоинство очерков. В смысле фабулы многие рассказы удивительны. Из некоторых можно было бы сделать очень хороший фильм, и в этот отзыв я, разумеется, ни малейшего «упрека» не вношу. Еслиб я был призван давать советы даровитому автору, я рекомендовал бы ему написать сценарий по «Партизанке». Технику этого дела постигнуть не так трудно. Знаю, что теперь поставить такой фильм было бы почти невозможно. По общему правилу, книги, пьесы, фильмы о войне «выходят из моды» в Холливудах очень скоро после ее окончания, но «мода» на них скоро и возвращается (так было и с знаменитым романом Ремарка). Знаю и то, что «шпионский фильм» считается не очень высоким родом искусства. Однако вина вообще всегда не в роде искусства, а в людях им занимающихся. Чехов не совсем шутил, когда говорил, что мечтает о том, как бы написать «хороший водевиль». Я уверен, что возможны превосходные в художественном отношении мелодрамы. И вполне возможно, что еслиб Достоевский дожил до кинематографа, то он писал бы и для экрана: слишком соблазнителен этот самый мощный из всех существующих способов морального воздействия на человечество.

В предисловиях, в отличие от рецензий, не полагается «излагать содержание»: читатель с гораздо большей пользой тут же прочтет книгу. Он обратит внимание на то, с какой простотой автор рассказывает о самых необыкновенных, драматических происшествиях. Я прочел очерки «в один присест» и думаю, что не меньший интерес они вызовут и у большинства читателей. Не знаю, взяты ли из жизни сюжеты рассказов «Алиби» и «Приключение» (эти рассказы не имеют отношения к Résistance). Если они автором выдуманы, то это свидетельствует об одном из самых ценных даров писателя: о воображении. Быть может, успех очерков побудил бы В. И. Гессена попробовать свои силы в романе с напряженной фабулой.

М. АЛДАНОВ.

ОТ АВТОРА

Я мог бы озаглавить мои очерки — «Это было». Потому что — это действительно было.

Страшные годы второй мировой войны я провел во Франции. Судьба забросила меня в деревушку на юге страны, ставшую одним из центров французского сопротивления гитлеровским оккупантам. В деревне помещался штаб 10-го сектора. В 20 милях, в маленьком уездном городке стоял немецкий гарнизон. Он состоял на 75 процентов из русских военнопленных, переодетых в германские формы. Их было десять тысяч человек. Я сталкивался с этими людьми. Сперва видел их в роли победителей, затем — побежденных.

До победы союзников люди эти охотились за нами, участвовали в карательных экспедициях. После поражения нацистов, — у нас не было к ним чувства мести. Мы знали, как гитлеровцы обращались с русскими военнопленными, и не могли требовать, чтобы все были героями. Мы прощали

тех из них, которые, уступая насилию, вернее спасая свою жизнь, надели немецкие формы.

Мне хочется обратить внимание читателей, что первые пять эпизодов — «Партизанка», «Исповедь», «Дневник предателя», «Выстрел» и «Герои» — тесно связаны между собою. Это как бы отдельные главы одной и той же истории.

В. ГЕССЕН.

Нью Иорк, май 1951 г.

Партизанка

Я НАВСЕГДА покидал Париж. Казалось, я расставался с самым близким мне существом. Я прощался с городом, равного которому нет на свете, мучительно переживал предстоящую разлуку. Покидал всех тех, с кем пережил тяжелые годы немецкой оккупации. Близких сердцу людей было много, ибо в опасные моменты жизни люди всегда легко сходятся, становятся друзьями. А жизнью мы рисковали не ежедневно, а ежеминутно. Люди исчезали с часу на час, проваливались сквозь землю. Их мучили в застенках Гестапо, сжигали в лагерных печах, расстреливали на улицах. Страшное было время. Мы не знали, что «день грядущий нам готовит», старались не думать об этом, торопились жить и чувствовать. Жить так, как живут нормальные люди: в свободное время посещать театры и кинематографы, читать книги и даже ухаживать за женщинами. И странно, — у нас не было потребности в мимолетных знакомствах, в ничего не значущем флирте, — мы и тут искали сильных ощущений, сильных душевных переживаний. Люди сходились на всю жизнь, строили планы на будущее и ни на минуту не задумывались о настоящем. Не думали о том, что через несколько часов им придется покинуть своих возлюбленных,

играть в прятки со смертью, подстерегавшей их на каждом шагу.

За несколько дней до отъезда, около полуночи, я возвращался домой. Была чудесная майская ночь. Как очарователен Париж в мае! Булонский лес, Елисейские поля, необыкновенная Площадь Согласия, самая красивая из площадей в мире.

Я жил в пяти минутах от Булонского леса и, направляясь домой, поднимался по Елисейским полям. Пройти мимо Триумфальных ворот и не остановиться на минуту у могилы Неизвестного Солдата невозможно. Особенно ночью, когда виден уже издалека свет неугасимой лампады и нет толпы, мешающей тебе сосредоточиться. Я подошел к могиле и задумался. Меня преследовала одна и та же мысль — предстоящая разлука с Парижем. Неожиданно кто-то положил мне руку на плечо. Я невольно вздрогнул. Мне казалось, что я был совершенно один. Когда обернулся, увидел незнакомую мне фигуру. Рядом со мной стоял среднего роста мужчина, на вид лет тридцати с совершенно седой головою.

— Ты не узнаешь меня? Да, узнать меня не легко. Помнишь Пьера? Зима 1943 года, Тулуза, наша встреча на кишащем немцами главном вокзале? Ты возвращался из Лиможа в Бордо, я ехал из Парижа на юг. Последняя наша встреча. Каким счастливым я чувствовал себя тогда. Был совершенно уверен, что благополучно выполню возложенную на меня миссию и безумно то-

ропился вернуться в Париж на свидание с любимой женщиной.

Я тотчас же узнал потерянного в смутные годы друга, которого давно считал погибшим.

С большим трудом нам удалось найти открытую в столь поздний час пивнушку, и мы просидели там до рассвета.

Пьер принадлежал к тем французам, для которых слово свобода было все, впиталось в них вместе с молоком матери. Ему удалось чудом избежать немецкого плена, он вернулся в занятый врагом Париж и тотчас же стал солдатом подполья, солдатом армии Освобождения.

Пьер презирал смерть. Исполнял самые ответственные поручения, и судьба ему постоянно покровительствовала. В 1943 году наши пути разошлись. Я работал в южной зоне — он в северной. Я потерял его из виду, в декабре 1943 года случайно встретился с ним на вокзале в Тулузе, безнадежно искал его после Освобождения. По сведениям товарищей, он попался в лапы Гестапо и бесследно пропал.

— Да, дорогой друг, говорил Пьер, сколько за эти годы было пережито. Раньше вместе, а после порознь. Ты ведь помнишь Тулузу. Нашу встречу на вокзале. Ты удивился, увидев при мне мою собаку. Помнишь моего фоксика? Ведь в тот раз, он мне спас жизнь. Но я забегаю вперед. Попытаюсь рассказать тебе все по порядку.

15 декабря 1943 года, как сегодня помню еще этот день, я был на квартире у Джо, месте наших тайных свиданий. Мне предстояло ответственное поручение — доставить радиоприемник из Парижа на юг. Когда я вошел в комнату Джо, я увидел молодую очаровательную женщину, с прекрасным открытым лицом. Ты ведь знаешь мою слабость — голубые глаза в сочетании с темными волосами. А у нее были огромные синего цвета глаза и была она темной шатенкой. Мне ее представили. Ее звали Мариной. Она говорила по-французски с сильным славянским акцентом. Когда представляли, — отрекомендовали партизанкой. История ее меня поразила.

Марина была дочерью видного польского адвоката. После разгрома Польши она нелегально перешла русскую границу. Вместе с русскими войсками сражалась в рядах первой польской дивизии против немцев. Была под Сталинградом. За проявленную на полях сражения храбрость имела пять отличий, русских и польских. В июне 1943 года во время опасной операции, далеко в тылу у врага, была взята в плен и направлена в один из лагерей, находившихся вблизи французской границы. В конце ноября ей удалось бежать и через неделю она была в Париже, вновь готовая к бою с врагом.

15 декабря я познакомился с Мариной, 20-го я уезжал на несколько дней на юг, отвозил радиоприемник. Я имел перед собою пять свободных дней и эти пять дней я провел с Мариной. Показывал ей Па-

риж. Но сам в те дни любовался не Парижем, а Мариной. Смотрел на нее и не мог представить себе, что эта девушка — ей было всего 23 года — еще несколько месяцев тому назад одета была в грубую солдатскую шинель и держала в руках револьвер. Настолько она была хрупкой и женственной.

— Неужели вы собственноручно убивали людей? — спросил я ее в одно из наших первых свиданий. Она взглянула на меня своими необыкновенными по красоте глазами и гордо ответила — «да!»

Я безумно влюбился в Марину. 19-го, накануне отъезда, сделал ей предложение. Предложение было принято. Марина стала моей невестой. Никогда еще не чувствовал я себя таким счастливым, никогда еще не хотелось мне так жить, как тогда. Покидая Париж, я поселил Марину в своей комнате. Помнишь мою хозяйку-старушку, которая так нам сочувствовала и из-за нас рисковала своей головою?

Мой поезд уходил в 8 часов вечера с Аустерлицкого вокзала. На вокзале я должен был встретиться с товарищем, иностранцем-евреем (ты его, кажется, не знал), который сопровождал меня на юг. Я захватил с собою мою собачку, отвозил ее моим друзьям, жившим на ферме.

Все шло как по расписанию. В назначенный час и в назначенном месте я нашел моего спутника и мы благополучно влезли в переполненный до отказа вагон. Сидячих мест, конечно, не было и мы устроились на площадке. Я стоял спиною к выходной двери, он по-

местился напротив меня. На нем была потрепанная солдатская шинель и баска на голове, я имел вид рабочего. Собаку я держал на руках, радиоприемник поставил у двери вагона.

В то время разъезжать, да ты ведь помнишь, было очень опасно. Бесконечные немецкие контроли и осмотр багажа во время путешествий. Охота на евреев и партизан. В нашей поездке самым опасным местом была Тулуза. Город, заполненный немцами и милиционерами Виши.

Наш поезд приходил в Тулузу в 7 часов утра. Шел он без опоздания и мы радовались тому, что во-время успеем пересесть в Тулузе. Можешь себе представить, что тема для разговора у меня была одна — Марина. Я мог говорить и думать только о ней. И в этих разговорах ночь прошла незаметно. Подъезжая к Тулузе поезд неожиданно остановился. Ни я, ни мой друг этому обстоятельству не придали особого значения. Вероятнее всего закрыт семафор, промелькнуло у меня в голове. Не успел я подумать об этом, — чувствую дверца вагона, на которую я опираюсь, начинает поддаваться. Гляжу на моего спутника, вижу он стоит бледный, как полотно. Оборачиваюсь к двери и... о, ужас! в наш вагон взбирается бравый немецкий унтерофицер. Явно, контроль документов, осмотр багажа. За документы я спокоен, они в порядке — подделка блестящая, но наш багаж, наш радиоприемник не может нас не выдать. Незабываемая минута. В голове все та же Марина, только она. Неужели я больше ее никогда

не увижу? Немец поднимается на площадку, минуту стоит рядом с нами. Окидывает нас испытующим взглядом, гладит рукою мою собачку и... проходит в вагон.

Через четверть часа поезд трогается. Я выглядываю в окно и вижу у железнодорожной насыпи человек тридцать, снятых с поезда пассажиров: не то обнаруженные евреи, не то люди, показавшиеся подо зрительными «победителям».

Моя собака явно спасла нам жизнь. Немец резонно решил — какие это «злоумышленники», которые решаются разъезжать с собаками. Скорее — ненормальные, ну и Бог с ними. Возиться и терять на них время не стоит.

Ты встретился со мною непосредственно после этого инцидента. В Тулузе. Мы обменялись рукопожатиями, я успел сказать тебе несколько приветственных слов перед отходом моего поезда. Через четыре часа я был на месте.

Когда передавал радиоприемник, мне вручили только что полученную телеграмму из Парижа. Стало почему-то не по себе. Оттого ли, что у нас в организации к телеграммам прибегали только в самых крайних случаях, оттого ли, что появилось какое-то странное предчувствие. Не смогу объяснить тебе. Помню — дрожали руки, когда вскрывал телеграмму. Телеграмма была весьма мало приятной. Мне сообщали, конечно, в замаскированном виде, о провале одного из товарищей, предлагали задержаться в провинции, от-

срочить возвращение в Париж. Обычная мера предосторожности. Когда кто-нибудь из наших попадался в лапы Гестапо, никогда не было уверенности, не сломят ли его пытки, не выдаст ли он своих, не найдут ли на нем случайно кличек и адресов товарищей. На всякий случай, принимались необходимые меры и прежде всего это касалось всех тех, кто непосредственно с ним в работе соприкасался. Эти товарищи на время исчезали из оборота, отходили от работы или, по меньшей мере, меняли поле деятельности, из одного города переезжали в другой. В данном случае к числу людей, очутившихся под возможной угрозой со стороны Гестапо, оказался и я. Немцы схватили Джо, того самого Джо, на квартире которого я увидел впервые Марину.

Рекомендовать молодому человеку, 26 лет, отсрочить даже на час, а не то что на несколько дней, свидание с любимой женщиной, которая только третьего дня стала его невестой, — совершенная бессмыслица. В тот же вечер я выехал в Париж.

Мучительно долгий обратный путь. Поезд шел с двухчасовым опозданием. Наконец, Аустерлицкий вокзал. Безконечные немецкие контроли. Вышел с вокзала около 11 часов вечера. Тьма кромешная. На улицах ни одного фонаря, ни одного освещенного окна. Путей сообщения тоже никаких. С трудом добрался до дому. Когда входил в подъезд, столкнулся с каким-то субъектом, шедшим мне навстречу. В темноте лица незнакомца не мог разобрать.

А затем встреча с Мариной. Толки и пересуды. Неизбежные объяснения в любви. Разговоры о нашей предстоящей свадьбе. Напуганная арестом Джо, Марина уговорила меня на некоторое время покинуть Париж. Она готова была ехать со мной.

На следующий день, в семь часов утра, мы вышли из дому и попали в засаду. Бежать не решился... из-за Марины. Не хотел рисковать ее жизнью. Знал, что немцы тотчас же откроют пальбу. Имел при себе яд, но его не принял. Не то, что не хватило присутствия духа, — верил, что в конечном итоге выскочу из этой истории. Надеялся, Марина тоже женщина бывалая — спасется и она и мы соединим наши жизни навеки.

....

....

Продолжение моей истории не оригинально: пытки, лагерь Дора, освобождение. Лагерь, конечно, несколько отразился на моем здоровьи. У меня теперь туберкулез, водянка, переломанные ребра, ножевая рана на ноге и, как ты уже заметил, совершенно седая голова. Но это не самое страшное. Самое страшное ждало меня впереди.

В Париж я вернулся ровно год тому назад, в мае 1945 года. Бросился, как ты сам понимаешь, разыскивать Марину. Искал бесконечно долго и, наконец, напал на след: Марина оказалась агентом Гестапо и была расстреляна одной из первых после освобожде-

ния Парижа, еще в августе 1944 года. Арест Джо, мой арест — все было делом ее рук.

Я заболел. Семь месяцев провел в санатории для душевно-больных. Вышел оттуда месяц тому назад.

Фотографию Марины я сохранил...

И Пьер вытащил из бумажника фотографию. На фотографии была изображена девушка с необыкновенным по красоте лицом.

Исповедь

МАМОЧКА, дорогая моя, любимая, сегодня мне исполняется 24 года. Помнишь, как дома справлялось мое рождение? Сколько всегда было подарков, сколько гостей... Весь год я ждала этого дня, а последние две недели перед моим праздником сводила всех дома с ума. Помнишь, когда мне минуло 12 лет, ты подарила мне часы-браслет. Простые металлические часы. Счастью моему не было предела. Теперь часы эти лежат передо мною, я слежу за минутной стрелкой и, мне кажется, что она безумно быстро движется.

Дорогая моя, я не знаю, получишь ли ты это письмо: я не знаю, где ты, что с тобою, где мои братья и сестры . . . Если письмо это дойдет в конце концов до тебя — будь мужественной. Пойми, все к лучшему.

Прости твою старшую дочь. Прости ее за все те огорчения, которые она когда-либо тебе доставила, за постоянное ее непослушание, за упрямство.

Сколько мне нужно еще сказать тебе! Как бы мне хотелось обнять и крепко прижаться к тебе, как я делала это дома, каждый вечер, когда ты посылала меня спать, а я постоянно противилась этому.

Мне чуточку страшно — стрелка все бежит и бежит. Сейчас четверть третьего. Не долго уже до рассвета. Через два часа сорок пять минут раскроются двери моей тюремной камеры, за мною придут.

Как видишь, времени у меня осталось очень мало, а сказать тебе нужно много. Прежде всего умоляю, не думай, что твоя дочь изменница и шпионка. Какое страшное слово. Нет. Разве может быть изменницей женщина, которая кровью своей доказала любовь свою к родине? Правда, не мне судить об этом. Я расскажу тебе все по порядку, все, как было, и ты вынесешь мне приговор. Ты лучше других поймешь меня.

Я видела тебя в последний раз в 1942 году. Перед Сталинградом. Два года тому назад. Я быстро оправилась после моего ранения, вышла из лазарета и получила десятидневный отпуск. Мои последние десять коротких дней, проведенные дома. Помню, ты обратила внимание на мое угнетенное настроение. Тогда я не хотела посвящать тебя в его причины, теперь я все расскажу. Я обвиняла себя в убийстве. Слово «убийство» странно звучит в устах человека, вернувшегося с фронта. Между тем, это так. Я впервые стреляла в упор, передо мною лежало тело человека, убитого мною наповал.

Наш передовой отряд вошел в маленький городок, накануне оставленный врагом. Мне поручено было отыскать помещение для ночлега нашим офицерам. Первое впечатление от городка — пустыня. На мощенных досками улицах ни одного прохожего, повсюду заколо-

ченные дома, закрытые наглухо лавки. Я остановилась у дома, показавшегося с внешнего вида наиболее благоустроенным. Открыла калитку в сад, вошла в дом. Никого. Обошла нижний этаж, поднялась по лестнице на второй. Открываю дверь и . . . вижу молодого, здорового немецкого солдата. Заметив меня, он бледнеет и делает какой-то неопределенный жест руками. Вспоминаю теперь и не знаю, хотел ли он защищаться или сдаться на милость врагу. В тот момент мне показалось, что он пытается выхватить револьвер. Я опередила его. Раздался выстрел. Немец упал и схватился рукою за грудь. Через минуту он был мертв. В кармане его шинели я нашла фотографии его детей и жены. Двух маленьких, очаровательных детей. На вид трех-четырех лет, девочки и мальчика. Мне вдруг стало страшно, ужасно страшно. Сломя голову я выбежала из комнаты, целый день бесцельно блуждала по городу. Все не могла притти в себя.

А затем, когда у нас в отряде требовались добровольцы для опаснейших поручений, — вызывалась одной из первых я. Не могу объяснить тебе почему. Как то жизнь стала не в жизнь. Чувствовала на себе печать убийцы . . .

Ранение, долгое беспамятство (около двух недель я лежала в бреду), два месяца, проведенные в лазарете — на короткое время отвлекли меня от этих тяжелых переживаний. Очевидно имела значение перемена обстановки. К сожалению — только на очень короткое время. А затем дом. Десять дней среди своих. Кругом

нормальные люди, не запятнанные кровью, и мне опять стало страшно. Я — убийца среди здоровых нормальных людей. Какой ужас! Я не находила себе места, нервничала . . .

Возвращение на фронт. Разведка далеко в тылу у врага. Окружение. Хотела покончить все счеты с жизнью и не решилась. Ни с того, ни с сего уж очень захотелось жить. Повидимому, просто не хватило силы воли. Теперь об этом очень жалею. А впрочем нет! Неправда. Подумай, ведь потом целых два месяца я чувствовала себя самой счастливой женщиной в мире. Из-за этого стоило остаться в живых, пережить все, что выпало на мою долю.

Часовая стрелка все бежит и бежит, а я отвлекаюсь в сторону . . .

. . . .

. . . .

Плен. Несколько мучительных дней и ночей в товарном вагоне по дороге в лагерь. Голод и холод. Маленький прирейнский городок. Бараки, окруженные колючей проволокой. Нас — несколько сот пленных женщин. Всех национальностей. Вплоть до немок, провинившихся перед нацистским режимом. Заставляют работать на химическом заводе. Поднимают с нар в пять часов утра, два часа пути до места работы под охраной немецких часовых. Полуобутые и обмотанные в тряпки женщины с трудом передвигают ноги. Многие из нас харкают кровью. По дороге на завод изо дня в день

несколько жертв. Женщины падают. Часовые бьют их прикладами, топчут. А затем, обычно позади нас слышится выстрел. Мы вздрагиваем. Идем дальше.

Сколько времени пробыла в этом аду — не знаю. Определить не могу. Все готовилась к побегу, но не представляла себе, как приведу мою мечту в исполнение. Случилось это внезапно. Ни даты, ни дня не знаю. Стояли лютые морозы, в наших бараках замерзала вода. Как обычно, в пять часов утра раздался свисток. Нас выстроили на дворе и мы двинулись в путь. На улице — тьма, падал мелкий снежок. Сколько прошли — не помню. Знаю только, что шли очень медленно, с трудом передвигали ноги. Я шла в одном из первых рядов, на краю дороги. Вдруг какое-то замешательство. Поворачиваюсь, вижу на дороге лежит сразу несколько женщин. Часовых с нами было немного. Повидимому у немцев не хватало мужчин. Все были на фронте. Наша стража бросается к несчастным. Рядом со мною не вижу охраны. Падаю и скатываюсь с дороги в канаву. Проваливаюсь в глубокий снег. Слышу несколько выстрелов, не то пять, не то шесть. Понимаю — немцы приканчивают несчастных. Затем, медленно удаляющиеся шаги.

Помню, было приятно лежать в снегу и ни о чем не думать; очень трудно подняться. Наконец, вылезла на дорогу. Что делать, куда итти? Спустилась снова с дороги и пошла по полю. Нашла протоптанную кем-то тропинку. Когда рассвело, увидела несколько крестьянских домишек. Решила итти прямо на них. Не думала

о грозившей мне опасности. В тот момент было мне все совершенно безразлично. Окончательно отупела. Было так холодно, что мечтала только о тепле. Подошла к домику. Силы меня оставили. Упала. Потеряла сознание.

Когда проснулась, — чувствую лежу в тепле. Слышу, в комнате кто-то тихо разговаривает по французски. Приподымаю голову. У окна стоит молодой человек и полушопотом объясняется с пожилой крестьянкой. До меня доносятся отдельные слова. Смысла разобрать не могу, но чувствую — разговор идет обо мне.

Мамочка моя, я пытаюсь рассказать тебе все очень подробно. Но часовая стрелка бежит слишком быстро. Боюсь у меня не хватит времени ...

....

....

Женщина оказалась эльзаской, французской патриоткой. Ее домик — местом переправы бегущих французских пленных из Германии. Находился он в двадцати километрах от французской границы. Через неделю я была во Франции.

Моим спутником был молодой француз, лет тридцати. Звали его Жаком. Год тому назад он потерял жену. Она работала у партизан, была схвачена немцами, отправлена в Германию. Окольными путями он узнал, что немцы ее расстреляли.

Помнишь, моя дорогая, ты постоянно удивлялась отсутствию у меня романов. Говорила, что я никогда

никого по настоящему любить не буду, считала меня очень холодной. Я действительно никого никогда не любила. Кроме тебя. Ведь поклонников у меня было достаточно, но ни один из них мне не нравился. И тут впервые в мою жизнь вошел человек, без которого жизнь для меня стала вдруг совершенно немыслимой. Я впервые осознала, что такое любовь, почувствовала себя необыкновенно счастливой.

Не могу объяснить тебе, чем было вызвано это чувство. Тем ли, что после пережитых страданий особенно нуждалась в тепле и ласке, тем ли, что Жак подошел ко мне как-то по своему. Он не ухаживал за мною, как за женщиной, которая ему нравится, не объяснялся мне в любви. Право, не знаю. Но скажи, разве любовь можно выразить словами, объяснить, чем вызвано это чувство?

Жак доставил меня в Лилль. Познакомил меня со своими товарищами, ввел в местную партизанскую организацию. Скажу тебе правду, в тот момент мне было не до того. Я безумно устала от всех переживаний, мечтала о покое, о маленькой деревушке, где я могла бы поселиться с Жаком, знать, что он рядом со мною, не подвергается ежеминутно опасности. Ждать там приближающейся быстрыми шагами победы. Я уговаривала и умоляла Жака бросить партизанскую деятельность, уехать вместе со мною.

Жак наотрез отказался. Через пять недель он был арестован. Схвачен немцами. Я узнала об этом поздно вечером. Ко мне зашел один из его товарищей. Сооб-

щил о катастрофе. Потребовал, чтобы я немедленно переменила адрес. Я осталась. Ради кого и чего я буду спасаться. Жизнь потеряла для меня всякий интерес. Ждала и тайно надеялась, что и за мною придут немцы. Думала, что арест мой даст мне возможность еще раз свидеться с Жаком. Очная ставка с ним представлялась мне неизбежной. Был момент, когда хотела добровольно отдаться в руки немцам.

Два дня безвыходно провела дома, — все ждала визита Гестапо. На третий день, под вечер, слышу шаги по лестнице. Жили мы на третьем этаже, в мансарде, на окраине города. Под нами жили две старушки, никогда никого не принимавшие. Шаги медленно приближаются. Стук в дверь. Все кончено, думаю я. Наконец-то. Открываю дверь и вижу бледного, изможденного Жака. Бросаюсь ему в объятия. Не могу удержать слез, вижу — плачет и он.

Я ему не задала ни одного вопроса. Поняла — не выдержал пыток, согласился работать на немцев. Поэтому выпущен на свободу. Мне это было не важно — ведь Жак был вместе со мною, — все остальное меня не интересовало.

Той же ночью мы покинули Лилль. На следующий день были в Париже. Жак был подавлен до крайности, носился все время с мыслью о самоубийстве. Через несколько дней ушел из дому и не вернулся. Я бросилась его разыскивать. Обнаружила в кармане его дождевика записную книжку с адресами парижских товарищей. Через три дня узнала, что Жака больше нет в жи-

вых. Убит по постановлению организации. Сам отдался в руки, сам рассказал о своей измене. Товарищеский суд тремя голосами против двух вынес смертный приговор...

Мамочка, я отомстила за Жака и отомстила жестоко. Я выдала немцам трех, повинных в его смерти, товарищей. Я не жалею об этом. Умираю совершенно спокойно. Прощай, дорогая моя. Слышу шаги в коридоре. Шаги приближаются... я кончаю. Крепко, крепко обнимаю тебя. Прости твою дочь...

Через час на опушке Венсенского леса раздался оружейный залп.

Во всех парижских газетах появилась заметка о расстреле 24-х летней девушки, польского происхождения, выдавшей врагу французских патриотов. Газеты сообщали, что девушка стойко шла на смерть. Отказалась от повязки на глаза.

Из дневника предателя

Париж, .. сентября 1943 года.

Сейчас полночь. Только что расстался с Джо. Получил от него последние инструкции. Завтра взрываем железнодорожный мост под Версалем. Нас пять человек.

Когда сообщил товарищам о возложенном на нас поручении, натолкнулся на сопротивление. Не хотят подводить своих близких, боятся немецких репрессий. Семьи трех мальчиков постоянно живут в Версале. Упрекали меня в том, что я ни с кем и ни с чем не считаюсь, никого не щажу. Мне терять нечего — я из Лилля, никого в Версале не знаю. У них положение иное: отец одного — мэр Версаля, другого — директор лицея. Неизбежно попадут в заложники. Согласился с ними.

Мне действительно терять больше некого и нечего. Сказал им, что отец мой был убит в начале 1941 года в Лилле, жена депортирована в Германию. Только третьего дня узнал об ее судьбе. Около года тому назад она была расстрелена немцами. Мальчики смутились.

Завтра на рассвете взрываем мост.

Париж, .. сентября 1943 года.

Мост взорван. В Версале пятьдесят заложников. Среди них родители моих мальчиков. Тем не менее никаких упреков по моему адресу. Мальчики выше всяких похвал.

Париж, .. октября 1943 года.

Жестокое разочарование. Жан — предатель. Два дня тому назад он попался в засаду. Был с Пьером. Бросились бежать. Немцы открыли стрельбу. Пьеру удалось уйти. Издали видел раненого в руку Жана, окруженного агентами Гестапо. Только что мне сообщили об аресте двух товарищей. Явно — выданы Жаном. Я решил переменить адрес. Сегодня вечером выезжаю в Лилль.

Лилль, .. октября 1943 года.

Неделя, как в Лилле. Принимаю все меры предосторожности. Каждый день меняю квартиру. Завтра возобновляю работу.

Лилль, .. ноября 1943 года.

Четыре дня провел вне Лилля. Получил задание наладить связь с лагерями военнопленных. Был на немецкой границе. Познакомился с фрау К. Эльзаска. Ненавидит немцев. Согласна предоставить свой домик в распоряжение нашей организации. Уговорился с нею. Ее

дом будет местом переправы наших пленных. Сегодня среда, в пятницу выезжаю к ней за первыми беглецами.

Эльзас, .. ноября 1943 года.

Этой ночью явился к фрау К. Очень мне обрадовалась. Жаждет деятельности. Всю ночь занимала меня разговорами, а на утро сюрприз. Шум на дворе. Хозяйка выходит на двор. Зовет меня. Выбегаю. Вижу на снегу лежит молодая женщина. Внесли в дом, кое-как привели в чувство. Напоили горячим кофе. Женщина — польская партизанка. Сражалась вместе с русскими. Попала в плен. Работала на местном химическом заводе. Этой ночью бежала от немцев. Прилично говорит по-французски. Производит недурное впечатление. Думаю забрать ее во Францию. Вероятно, будет хорошим товарищем. Такие люди нам нужны. Зовут ее Мариной.

Эльзас, .. ноября 1943 года.

Я сам себя не узнаю. Еще год тому назад я не пропускал ни одной красивой женщины. Сегодня — время это кажется мне безумно далеким, ушедшим навсегда. В жизни у меня одна цель, одна задача — борьба с врагом, освобождение моей страны от угнетателей.

Пишу о женщинах в связи с Мариной. Марина на редкость красивая девушка. Тем не менее она для меня, как женщина, не существует. Я знаю Марину — быв-

шую польскую партизанку, готовую и дальше к бою с врагом. Надеюсь, она оправдает мои надежды.

Эльзас, .. ноября 1943 года.

Вопреки ожиданиям застрял у фрау К. на целую неделю. Завтра трогаюсь в путь. Со мною переходит границу только Марина. Пленных не дождался. Сидеть в маленькой деревушке, в двух шагах от немецких казарм, расположенных поблизости от женского концентрационного лагеря, становится опасным.

Лилль, .. ноября 1943 года.

Благополучно добрались до Лилля. Ввел Марину в нашу организацию. Живу с ней на окраине города. Сознаю, девушка эта уже сильно ко мне привязана. К сожалению. Правда, временами это доставляет мне удовольствие, чаще — раздражает. Особенно тогда, когда она пытается отвлечь меня от моей деятельности, уговаривает бросить организацию, уйти, так сказать, на покой. Не понимает или не хочет понять, что для меня это немыслимо. Моя жизнь — борьба, игра со смертью. Все остальное для меня не существует.

Лилль, .. декабря 1943 года.

Снова провал, снова аресты. Живу, как на вулкане. Завтра выезжаю в Париж. Хотел это сделать сегодня,

но не успел выполнить возложенную на меня миссию. На один день отсрочил отъезд. Марина едет со мною.

Лилль, .. декабря 1943 года.

Меня схватили среди бела дня, в центре города. Я зашел закусить в ресторан, излюбленный товарищами. Публики много. С трудом нашел столик. Не далеко от выхода. Успел заказать обед. Жду. Осматриваю публику. Открывается дверь. Входит молодой человек. В нем что-то общее с Жаном. Рост, походка. Думаю, если Жан — лучше на него не смотреть, авось не заметит, а то я пропал. Делаю вид, что читаю газету. Вижу, он повертелся и вышел. Что делать? Задерживаться в ресторане опасно. Вдруг это действительно Жан. Подзываю гарсона, тороплю его, говорю, что очень спешу. Когда разговариваю, вновь открывается дверь. Входит мужчина. Озирается. Подходит ко мне. Говорит: «Следуйте за мною. Сопротивление бесполезно».

Не знаю, побледнел ли я в этот момент. Не думаю. Хорошую прошел школу, а потому не растерялся. Отвечаю, голос не дрожит, нервы как-будто в полном порядке: «Разрешите закончить обед и уплатить по счету. Не стоит обращать на нас внимание публики. Не закусите ли со мною?».

Вижу, имею дело с французом. К счастью. Тот неожиданно соглашается. Присаживается к моему столику. Заказываю для него двойную рюмку коньяка.

Когда выпивает, заказываю другую. Сидим молча. Плачу по счету. Встаем. Идем к гардеробу за моим дождевиком. Я отдаю номерок, получаю пальто. Когда надеваю пальто, чувствую в правом кармане связку ключей. Зажимаю ее в руке.

Направляемся к двери. У двери я резко поворачиваюсь. В правой руке связка ключей. Удар по подбородку. Полицейский падает. К сожалению не теряет сознания. Кричит: «Держите!» Я успеваю открыть дверь, хочу выскочить на улицу. Попадаю в объятия какой-то женщины, входящей в ресторан. Отталкиваю ее в сторону. Вижу за ней немецкого солдата. Тот выхватывает револьвер. Крик за мною, по-немецки: «Не стрелять!» Кричит мой полицейский. Понятно, им нужно взять меня живым. Таков очевидно приказ сверху. Немец схватывает меня за пальто. Мне удается высвободиться, сбросить дождевик. Бросаюсь бежать и вдруг чувствую, что теряю дыхание. Немец уцепился за мой галстук. Галстук сжал шею. Кружится голова. Все кончено. На мне наручники.

Первый допрос в гестапо. В очень корректных тонах. Как обычно. Мило уговаривают. Я молчу. Немцы постепенно теряют терпение. Угрожают. Я молчу. Открывается дверь кабинета. Входит Жан. Не мудрено, что я не узнал его в ресторане. Он был одним из самых крепких юношей в моем отряде, теперь он скелет. Страшно смотреть.

Жан меня оговаривает. Называет имена ряда товарищей. Знаю, часть из них уже арестована, другим, к

счастью, удалось скрыться. Слушаю внимательно его показания, одновременно обдумываю план действий. Жан — мелкая сошка в нашей организации. Агент связи. Таких, как он, десятки. Свое дело он уже сделал — выдал всех тех, кого мог выдать. К счастью, их немного. Я совершенно в другом положении. На мне лежит огромная ответственность. Через неделю взрыв арсенала в Бресте. В моих руках организация взрыва, мне одному известны мельчайшие подробности плана. Мой арест — катастрофа.

Принимаю отчаянное решение. Предаю немцам товарища по организации, 19-ти летнего Клода. Сообщаю им его адрес.

Прости, бедный мой мальчик. Но ведь ты безнадежно болен, жить тебе осталось недолго. Ты — для нас небольшая потеря. Твоей головой я куплю свободу. Пойми, свобода эта нужна не мне, я не боюсь пыток и смерти. Моя жизнь нужна еще нашей родине. Я должен выполнить возложенное на меня поручение: арсенал в Бресте должен быть взорван. А арсенал этот ценнее твоей жизни...

....

....

После ареста Клода немцы меня освободили. Поверили в мою искренность, готовность работать с ними. Несколько часов тому назад я вернулся домой. Когда увидел Марину — расплакался. Плакал первый раз в жизни. Не сказал ей ни слова, она меня ни о чем

не спросила. Вероятно подумала — имеет дело с предателем. Я ее разубеждать не стану. Не стану оправдываться. Ибо я действительно предатель.

Сейчас три часа утра. Я уложил Марину и записал все, что пережил за последние два дня. Сам спать не могу. Меня неотступно преследует мысль о самоубийстве. Я ее отгоняю. Передо мною еще Брест. Завтра выезжаем в Париж.

Париж, .. декабря 1943 года.

Сегодня вернулся из Бреста. Арсенал взорван. Я выполнил свой долг. Теперь я должен искупить мое преступление. Искупить его кровью. С вокзала направился к Джо. Шел пешком. В последний раз любовался Парижем. Просил Джо пригласить на завтра к себе ближайших товарищей. Сегодня в его глазах я еще герой, завтра он от меня отвернется. Назовет меня убийцей, предателем. Ибо я твердо решил рассказать все моим товарищам, рассказать им о моем ужасном предательстве. Знаю, что иду на смерть. Повторяю, смерти я не боюсь, я ее страстно желаю.

Марина заметила во мне перемену, я впервые очень с ней нежен. Знаю, она меня любит, чувствую это теперь особенно сильно.

Да простит меня Клод.

Выстрел

ДА, я понимаю тебя, понимаю твои переживания, говорил Пьер, обращаясь к сидящему рядом товарищу. Вынести смертный приговор другу морально невыносимо, даже если он оказался предателем... Тем не менее, я настаиваю на этом приговоре, ибо...

— Позволь, какой же Жак предатель!? Он выдал Клода немцам не по соображениям личного порядка, не ради спасения своей жизни. Он сделал это для того, чтобы иметь возможность осуществить возложенную на него организацией миссию — взорвать арсенал в Бресте.

— По твоему слово «предатель» в данном случае неуместно, но ведь самый акт предательства на лицо: Жак выдал товарища немцам, и этот товарищ уже поплатился или поплатится жизнью. Следовательно, можно спорить о том, оправдывают ли мотивы, которые двигали Жаком, это предательство. По моему, нет. Для меня — Жак убийца. Он самовольно распорядился жизнью другого, а этого права он не имел, ибо этого права никто из нас иметь не может.

— Пьер, ты ошибаешься. Когда мы вступали в организацию, мы клялись, что в интересах борьбы с вра-

гом идем на все, готовы жертвовать всем. Жак поступил согласно этой клятве. Он предал его не ради себя, а ради родины. Жак смерти не боялся и не боится, он храбрый из храбрых. Вспомни сколько раз, не задумываясь, он шел на смерть...

— Я присоединяюсь к мнению Пьера, сказал Джо, ибо считаю, что с моральной точки зрения недопустимо жертвовать товарищем, выдавать его немцам. Достижение целей нашей организации путем предательства недопустимо. Где-то должен быть поставлен предел допустимому и недопустимому.

— Ты имеешь право послать товарища на верную смерть, продолжал Джо, обращаясь к сидевшему между ним и Пьером мальчику, поручив ему, скажем, взорваться вместе с бомбой, предназначенной для немцев. Но ведь ты сделаешь это с его согласия, предупредишь его на что он идет. В данном случае дело обстоит не так. Один товарищ предает другого и, спасая себя, заведомо губит того. Правда, он поступает так не ради себя, а ради родины, ради Франции. Но пойми, в нашей борьбе, в методах нашей борьбы есть какая-то неуловимая граница, граница каких-то моральных прав и обязательств и границу эту переходить мы права не имеем.

— Не могу с вами согласиться. Вот вам пример. Представьте себе на минуту — вас вызывают немцы и говорят: выдайте нам всех ваших, мы жестоко с ними расправимся, но этой ценой вы купите победу. Мы очи-

стим Францию и признаем себя побежденными. Каков будет ваш план действий, как вы...

— Я соберу всех товарищей, перебил его Пьер, передам им мой разговор с немцами и буду настаивать на принятии этого предложения. Буду не только настаивать, но и требовать безоговорочного согласия всех товарищей. Буду рассматривать всех его противников изменниками и трусами. Но ведь это никак нельзя сравнить с поступком Жака. Мы жертвуем нашими жизнями ради общего блага, заведомо идем на смерть.

— Позволь, а что сделал Жак? Он пожертвовал Клодом для того, чтобы взорвать арсенал в Бресте, пулями, снарядами, минами которого пользовались бы немцы для уничтожения всех тех, кто поднял знамя борьбы против них. За это Клод заплатил своей жизнью и тем самым спас тысячи людей. Жизнь Клода не пропала даром, а Жак, взорвав арсенал, выполнил великое дело, полностью оправдал свое так называемое предательство.

— Я полагаю, сказал Джо, что предательство не имеет никогда оправдания, даже предательство с весьма благими намерениями. Оправдать поступок Жака и тем самым облагородить предательство, по-моему, невозможно. Этого не хочет и сам Жак. Он нам сказал, что хочет искупить свой поступок кровью. И я его понимаю.

— Разве можно жить, имея на совести убийство товарища? Разве можно жить и искать себе оправда-

ния в том, что убийство это необходимо было для нашей организации? Ведь так можно зайти очень далеко. Сегодня Жак выдал Клода, а завтра какой нибудь Жан выдаст десятерых и выдаст их на том основании, что спасение его важнее для родины, нежели жизнь десяти товарищей. Нет, эти поступки не имеют оправдания.

— Поверьте, Жак для меня не только товарищ по организации, он — самый мне близкий человек. С самого начала борьбы мы вместе и он все для меня. Но ведь основываться на личных отношениях, на привязанностях мы не можем.

— Господа, время идет. Мы должны принять решение. Предлагаю поставить на голосование этот вопрос. Предупреждаю, что я высказываюсь за смертный приговор.

Тремя голосами против двух Жак был приговорен к смерти. Его ввели из соседней комнаты, сообщили о приговоре. Жак вздрогнул, оперся руками на стул, тотчас же овладел собою и обратился к товарищам.

— Я ждал этого приговора, сказал он, принимаю его, ибо хочу искупить кровью свое преступление. На вашем месте я поступил бы так же: не задумываясь приговорил бы к смерти товарища выдавшего другого. Смерть для меня единственный выход, ибо жить, имея на совести убийство, немыслимо.

На глазах у Джо были слезы. Несколько секунд в комнате царило молчание, а затем Пьер, который стоял

у окна, спиною к Жаку, повернулся к товарищам и еле слышно промолвил:

— Немцы.

Он был бледен, как смерть.

Квартира Джо, где происходил суд над Жаком, помещалась на третьем этаже углового дома, в центре города. Квартира состояла из двух маленьких комнат, выходивших на две разные улицы, имела, однако, один только парадный выход.

Мальчики бросились к окнам. На улице, у входа в дом, стояло несколько немецких солдат с пулеметом, вдали, в шагах десяти, два камиона с немцами. Мальчики видели как группа немецких солдат с офицером вошли в подъезд.

Растерялись все, кроме Жака.

— Идите за мною, сказал он.

Они вышли из квартиры на лестницу, тихо закрыли за собою дверь, поднялись на пятый этаж. На каждом этаже было по несколько квартир. Жак позвонил в одну квартиру, — нет ответа. Позвонил в другую. Скрипнула дверь. На пороге стояла старушка. Ни слова не говоря, Жак жестом предложил товарищам войти в квартиру. Прикрыл входную дверь, в двух словах объяснил старушке в чем дело. Решил, что нужно говорить всю правду. Что будет — то будет. Старушка пе-

репугалась на смерть, спрятать их в квартире отказалась, предложила провести их на чердак.

Мальчики согласились.

Через минуту они сидели на чердаке, в полной темноте, среди всякого хлама. Спрятались кто куда может. У них был только один револьвер. Тотчас же решили, в случае нужды, защищаться, не сдаваться немцам живыми. До них отчетливо доносился шум с лестницы, хлопанье дверьми, немецкая речь.

А затем внезапно все стихло. Время тянулось безумно медленно. Мальчики долго выходить не решались, боялись наткнуться на немцев. Думали, немцы устроили внизу засаду. Просидели на чердаке до поздней ночи. В два часа утра Жак пошел на разведку. Сказал, что если все сойдет благополучно, если до них не донесется выстрел, если они не услышат подозрительного шума, — они через три-четыре минуты могут последовать за ним. Предложил покидать чердак по очереди.

Все обошлось благополучно. Через четверть часа все были в сборе. Встретились на улице, в трех минутах от дома Джо.

Той же ночью приговор над Жаком был приведен в исполнение. Мальчики вышли за город, пошли по дороге в Версаль. Шли часа два. Когда издали увидели маленький лесок, свернули с дороги, пошли по полю. Вошли в лесок, нашли маленькую полянку.

Жак взял под руку Джо, отвел его в сторону, сказал ему на прощанье несколько слов. Упомянул при этом имя какой-то женщины, которой Джо не знал. Просил Джо не бросать ее на произвол судьбы, позаботиться о ней. Джо в тот момент был так взволнован, что толком не спросил ничего, не запомнил ни ее имени, ни ее адреса.

А затем Пьер вручил Жаку револьвер. Жак приставил револьвер к виску.

В предрассветной тишине Парижа раздался одинокий выстрел.

Герои

КОГДА в семь часов раздался резкий звонок, у меня отлегло от души. Я знал, что этот звонок неминуем, избежать его мне не удастся, ждал его с часу на час. Не боялся ни пыток, ни лагеря, ни смерти. С мыслью о смерти примирился давно. Был момент, когда сам хотел наложить на себя руки, по малодушию. Быстро поборол в себе это чувство, остался жить. Знал, что жить буду недолго. Год, максимум два, если не умру раньше насильственной смертью.

Восемь месяцев тому назад меня схватили немцы. Попался случайно. Возвращался из лицея домой, слышу взрыв, за взрывом стрельбу. Пошел посмотреть, нарвался на немецкий патруль. Потребовали у меня документы, документов не оказалось, меня и забрали. Немцы, очевидно, решили, что я принадлежу к сопротивлению. Думали, поймали на месте преступления одного из участников террористического акта, свидетелем которого я случайно оказался.

На самом деле никакого отношения в тот момент к сопротивлению не имел. Не успел еще примкнуть к партизанам, хотел раньше кончить лицей, до окончания оставалось несколько месяцев.

Эту мечту осуществить не удалось. Арест, геста-

по, жестокие пытки, о них распространяться не буду, 3 недели тюрьмы перевернули всю мою жизнь. 17-летний мальчик превратился в зрелого человека. Все прежние интересы — лицей, встречи с товарищами, увлечение спортом — все это стало страшно далеким, ушло навсегда.

Забавно теперь вспоминать о прежнем образе жизни. Ведь родители не выпускали меня на улицу при малейшей простуде. Насморк у меня — для них катастрофа.

Я был единственным сыном. Понятно, что мать и отец дрожали надо мною безумно.

От родительского дома до гестапо — дистанция огромного размера. И эту дистанцию я прошел незаметно, шутя. Между тем я далеко не герой. Герои все те, кто заведомо шли на мучения и смерть ради родины. А я... случайно попал в гестапо, случайно познакомился с пытками, тюрьмами, немцами. Меня мучили зря. Ведь тогда я не знал еще ничего, не мог никого ни спасти, ни предать.

Через три недели немцы меня выпустили. Убедились, что я ни в чем не повинен. Когда выпускали, заставили подписать бумажку о том, что обращались со мною гуманно. Гуманность их действительно не имела границ. Когда то меня оберегали от насморка, а теперь я харкаю кровью, вечерами не могу заснуть от озноба, каждое утро просыпаюсь в поту. Легкие у меня отбиты. Моментами я задыхаюсь, часами не могу

прийти в себя. Все это — последствия пыток, последствия немецкой «гуманности».

Когда меня выпустили, домой не пошел. В тюрьме получил адреса людей, вся жизнь которых борьба с угнетателями. До смерти своей хотел отомстить. Отомстить не за себя, а за Францию. Участвовал в трех террористических актах, дважды взрывал полотно железной дороги, а затем вернулся домой, хотел во что бы то ни стало повидаться с родителями.

Они ни в чем меня не подозревали, не знали что я партизан. Когда меня увидели, решили, что я из тюрьмы.

На третий день за мной пришли немецкие жандармы. Для меня это был не сюрприз, знал, что немцы днем и ночью за мною охотились. Однако, для матери это было страшнейшим ударом.

Душераздирающие проводы. Я с трудом сдерживал слезы.

Перед домом стоял грузовик. Маленький реквизированный врагом грузовик, на котором когда то развозилось молоко по Парижу. На нем сидело уже четверо товарищей. Когда он отъехал, мы запели Марсельезу, по моему предложению. Я вспомнил тюрьму, нашу камеру на 40 человек, в которой помещалось свыше 80. Не было места даже присесть. Вечер. К нам доставляют новую партию задержанных. Вталкивают в камеру и вдруг раздается Марсельеза. Поют заново прибывшие. Впечатление потрясающее.

Немцы так растерялись, что воздержались от вся-

ких мер воздействия. Прослушали Марсельезу до конца.

Теперь мы повторили тоже самое. Нас везут по просыпающемуся Парижу. Мы поем. Прохожие оборачиваются, машут платками, понимают — везут смертников.

Опять тюрьма гестапо. На этот раз я знаю, почему меня мучают немцы. Я — их враг. В прошлый раз я стыдился моих сотоварищей. Все они борцы за свободу, а я узник по недоразумению. Тогда мальчишеское любопытство меня погубило. Мне страшно было в этом признаться. Теперь положение иное. Я смело смотрю им в глаза, пожалуй, я такой же герой, как они.

В начале 1944 года в воздухе чувствовалось уже приближение победы. Немцы заметно нервничали, понимали, что войну проиграли. Разрывались между фронтами и озверели до крайности, безжалостно расправлялись с партизанами.

В тюрьме нас продержали недолго, дней 10-12. Все шло ускоренным темпом. Допросы, пытки, дознание. 27 человек предстали перед военным судом. Всем был вынесен смертный приговор, а затем пятерым — смерть заменена пожизненной каторгой. В числе последних очутился и я. Очевидно мой возраст сыграл не малую роль.

Я был самым молодым из подсудимых, мне не исполнилось еще 18 лет.

Через два дня после приговора, во дворе тюрьмы казнили товарищей. Мы знали о предстоящих расстрелах, всю ночь провели на ногах. Среди приговоренных были две девушки. Их забыть невозможно. Держались они изумительно. В пять часов утра, когда раскрылись двери тюремных камер смертников, вновь раздалась оглушительная Марсельеза. Пели все: и те, кто сегодня прощался с жизнью, и те, чья судьба была еще неизвестна.

Через три дня после казни товарищей нас грузили в вагоны для скота. Везли на восток.

Лагерь Дора. Около двух тысяч рабов. Среди них французы, голландцы, поляки, сотни русских пленных, норвежцы, бельгийцы, чехи. Над нами молодцы из «капо» — «камерадшафтсполицей», набранная среди уголовных преступников, выпущенных для этой цели из тюрем. Над ними эс-эсы.

Строим тунель. Более страшной каторги трудно себе представить. Люди доведены до отчаяния, готовы на все.

Вспоминаю следующий случай.

23 февраля 1944 года под вечер «капо» обходили бараки. Ими был отдан приказ: завтра все в 6 часов утра выстраиваются на дворе.

День смотра выдался морозный, на дворе было совершенно темно. Когда вышли на двор, нас осветили прожекторами, построили в ряды по 40 человек. Было около пятисот рядов. Раздалась команда: — «смирно».

Мы не имели права не только шелохнуться, но и двинуть головою. За каждое движение били прикладами.

Когда все было готово, появились эс-эсы. В руках они держали револьверы и вели за собою девять человек, девять наших товарищей. Среди них было двое французов, трое русских, двое поляков и два совсем молодых норвежца, любимцы всех каторжан. Наши товарищи еле передвигали ноги, цепи на кандалах были на редкость короткими.

Один из эс-эсов обратился к нам с речью, сказал, что люди эти готовили заговор, собирались перебить всю стражу и теперь должны выдать остальных, не задержанных немцами, товарищей.

Затем несчастных водили вдоль наших рядов. Кивком головы, ведь руками двигать они не могли, — они должны были указать на своих сообщников.

Четырнадцать часов продолжался обход. Мы стояли не двигаясь с 6 часов утра до 8 часов вечера.

Герои не выдали никого. Их повесили тут же, а пред тем еще зверски пытали, требовали назвать имена сообщников, которых среди наших было не мало. Мученики не проронили ни одного слова.

Сейчас я лежу в госпитале. Две недели тому назад нас освободили американцы.

По растерянности эс-эсовцев мы догадывались о приближении союзников. За день до освобождения нам заявили об эвакуации лагеря, велели собираться в дорогу. В тот день я еле держался на ногах, сил не

имел никаких. Меня безумно мучил кашель. Последнюю ночь я не спал и мешал спать другим.

С трудом поднялся с нар, с трудом дотащился до выхода. Знал, что невыполнение приказа начальства означает конец, застрелят на месте. Потому собрал последние силы. Товарищи меня опередили. Был момент, когда я один оставался в бараке, они стояли уже в рядах на дворе. Вдруг — оглушительный взрыв, за ним другой, третий, четвертый, десятый. Я растерялся, не сообразил сразу в чем дело. Вижу, на дворе смятение. Эс-эсовцы прикладами загоняют наших в свои казармы. Казармы эс-эсов помещались рядом с нашими бараками. Мне тотчас же стало все ясно: идет бомбардировка с воздуха, и цель налета союзников — уничтожение эс-эсов. Союзники бомбардируют казармы, поэтому эс-эсы хотят загнать нас туда. Счастие мое, что я замешкался. В бараке, однако, тоже небезопасно. Он слишком близко расположен к казармам.

Выползаю на двор, вижу глубокую яму, куда сливались помои, решаю — самое безопасное место, прячусь в нее.

Сколько в ней просидел не знаю, казалось мне — вечность. Наверху был ад, земля дрожала от взрывов, мне чудилось — наступил конец мира. Из ямы виден был только кусочек голубого неба и ветка чудом уцелевшего дерева. Ветка эта как раз приходилась над ямой, я мог за ней наблюдать. Зрелище было ужасное. За ветку зацепилась оторванная человеческая рука. Рука эта зловеще колебалась от ветра.

Продолжительность бомбардировки определить не могу. Помню, что когда наступило затишье — я не вылез из ямы, был не то в забытьи, не то не соображал, что происходит. Привел меня в чувство неожиданный удар по голове. Удар очевидно был слабым, но когда ждешь смерти и каждую минуту ожидаешь осколка снаряда, то и слабый удар может показаться смертельным. Схватился за голову, крови чувствую нет, попалось в руки что то мягкое. Смотрю — пакет американских папирос. Я в первый момент ошалел. Поднимаю голову, вижу над ямой фигуру американского солдата с большим мешком в руке. Пытаюсь вылезти из ямы, — сам не могу. Он помогает. Кое как выкарабкиваюсь. Картина наверху страшная — все уничтожено, повсюду трупы, разорванные человеческие тела и среди них наши освободители. Навстречу мне ползет один из лучших моих товарищей по лагерю, у него бомбардировкой оторваны ноги, кровь льется ручьями. Он ползет и кричит: «Да здравствует свобода»!

1148

Тысяча сто сорок восемь. Это число я буду помнить всю жизнь.

У меня, кстати, странная привычка — я имею обыкновение каждое попадающееся мне на глаза число делить на семь. Если делится — все в порядке — я спокоен. Никак не могу отделаться от этой привычки, впрочем цифра семь сыграла не малую роль в моей жизни. А потому к этому числу чувствую слабость. Неоднократно проверял себя и убедился на деле — семёрка приносит мне счастье.

Так было и на этот раз.

Сентябрь 1943 года. Рано утром приехал в Лион. Имел поручение доставить из Лиможа в Лион несколько сот фальшивых карт д-идантитэ. На себе спрятать их не мог, было их слишком много, а потому захватил с собою портфель, завернул карт д-идантитэ в газетную бумагу и сунул их в портфель. С портфелем этим, сами понимаете, я не расставался ни на минуту.

Итак, приезжаю в Лион. Поезд, в виде исключения, пришел без опоздания. Выхожу на перрон, осматриваюсь. Меня должны встретить. Товарищ обещал поджидать меня на площади у остановки трамвая перед вокзалом. На перроне почувствовал какое-то смут-

ное беспокойство. Не понравилась мне обстановка. Черезчур много немцев и милиционеров Виши. Стоят отдельными кучками и оживленно беседуют. Я — в костюме железнодорожника, — мера предосторожности. Ведь если угожу в руки немцев — меня ожидает расстрел. Но это не страшно — со смертью играть мы привыкли, ее не боимся. Страшно другое — провал моей миссии. Забыл рассказать, что помимо портфеля, я везу на себе план взрыва железнодорожных мостов под Лионом. План зашит в подкладку костюма. За вручение этого плана по назначению, — отвечаю своей головою и головами десятка товарищей.

Иду по перрону медленно к выходу. По дороге газетный киоск. У киоска группа агентов Дарнана — начальника вишийской милиции. Задерживаюсь умышленно на несколько секунд у киоска, делаю вид, что выбираю газету. Прислушиваюсь к разговору вишийских попутчиков. До меня доносятся отдельные слова. По смыслу догадываюсь: в городе паника, десятки заложников. Нацистские репрессии за убийство минувшей ночью немецкого офицера. Думаю, дело плохо, как бы не попасть в облаву.

Выхожу с вокзала, подхожу к остановке трамвая, где назначено мне свидание. Товарища нет. Жду минут десять, пятнадцать. Он не является. Ждать на остановке неуютно. Издали вижу приближающийся немецкий патруль.

К счастью подходит трамвай. Влезаю в вагон. В вагоне много народу, нет ни одного сидячего места.

Устраиваюсь в проходе. Рядом со мной стоит полицейский.

Не знаю, помните ли вы форму французских ажанов, их знаменитые пелеринки труа-кар. Черная пелеринка с прикрепленной на левой стороне металлической бляхой. На бляхе — номер ажана. Совершенно несознательно обращаю внимание на номер бляхи моего соседа. 1148. Наскоро делю этот номер на семь. Он делится — 164. Ну, думаю, все в порядке. Повезет. Первая примета — из хороших.

Трамвай отъезжает от остановки, двигается очень медленно, а затем внезапно останавливается. Не успеваю взглянуть в окно, как вижу у передней и задней площадки несколько немцев в форме. Очередная облава для проверки документов и для обыска пассажиров в поисках оружия.

Вспоминая об этом, мне кажется теперь, что это был единственный случай в жизни, когда я по настоящему растерялся. Почувствовал себя совершенно беспомощным. Так глупо попасться в руки немцев. Просто позор, пронеслось у меня в голове. Не смогу даже защищаться, на мне нет оружия, да и обстановка не очень подходящая.

Вижу немцы ко мне приближаются. Что делать с портфелем?!..

Я делаю отчаянный жест в сторону моего соседа-полицейского. Протягиваю в его сторону правую руку. В этой руке мой проклятый портфель. Приподнимаю его пелеринку, под пелеринкой чувствую его руку,

всовываю в его руку портфель. Он поворачивается, вопросительно на меня смотрит и... ни слова не говоря, берет мой портфель.

Минут десять продолжалась проверка документов. Немцы залезали в сумки женщин, вскрывали пакеты пассажиров. Полицейского они пощадили. Французской полиции трогать они не решались, да и считали, что полиция защищает их интересы, ведет себя лояльно.

Мои документы были, конечно, в полном порядке. В тот момент звали меня Андрэ Дюпон, профессия — железнодорожный рабочий.

Трамвай медленно тронулся с места.

На следующей остановке № 1148 покинул вагон. Перед тем он вручил мне портфель и, с лукавой улыбкой, на прощанье отдал под козырек.

Страшный Сочельник

СОЧЕЛЬНИК 1943 года мы справляли высоко в горах, в ожидании самолета из Лондона. Получили задание передать документы пилоту о передвижениях немецких войск во Франции.

Нас было пять человек, пять юношей в возрасте 17-18 лет. Я был самым старшим из них. Месяц тому назад мне минуло 19 лет. Поэтому выбор начальника остановился на мне: я получил документы и нес ответственность за выполнение возложенной на нас задачи.

Нам предстояло подняться из деревни наверх, пробираться по занесенным снегом тропинкам, увязать по колено в снегу, провести несколько дней в наредкость тяжелых условиях.

Аэродром находился в горах, высоко над деревней, где помещался наш штаб.

24-го утром мы получили это задание и в тот же день, после обеда, тронулись в путь.

Шли часа три, тонули в глубоком снегу, безумно устали (несли на себе мешки с продовольствием и теплой одеждой, точно не знали, сколько дней нам придется ждать самолета) и на ночь устроились в заброшенной крестьянской избе, на полпути между деревней и нашим аэродромом. В избе этой летом укрывались

часто наши товарищи, спасаясь от карательных экспедиций немецких отрядов.

Мы промерзли до мозга костей, с трудом растопили что-то вроде подобия камина. Над огнем повесили чайник, распаковали мешок с провиантом. Нашли в нем бутылку с арманьяком, раскупорили ее и основательно выпили.

Настроение у всех сразу улучшилось. Вспомнили, что сегодня Сочельник и снарядили двух товарищей за елкою в лес. Остальные стали приводить нашу ночлежку в порядок.

Изба состояла из двух комнат: — одной очень маленькой, где помещалась только кровать, небольшой комод для белья и сложено было в углу несколько поломанных стульев. Другая — очень просторная, со столом посредине и лавками вдоль стен.

В маленькой — окно выходило в сторону леса и отчетливо виден был довольно большой полуразвалившийся крестьянский сарай для скота. В большой —два окна смотрели на занесенную снегом дорогу.

Когда товарищи вернулись со срубленной елкой, мы кое как водрузили ее на столе, расставили все, что у нас было из крепких напитков, пододвинули лавки к столу, и начался пир.

Пили и болтали без умолку. Вспоминали о детстве, из которого только что вышли, о сочельниках дома, о бесчисленных подарках, о родительской любви, столь внезапно всеми нами потерянной.

А затем, внезапно разговоры все прекратились,

одолела усталость. Вино и тепло окончательно нас разморили. Спать захотелось безумно.

Решили на следующий день встать на рассвете и пуститься в дорогу.

Товарищи предоставили мне кровать в маленькой комнате, сами устроились рядом — в большой.

Я свалился, как был, на кровать и заснул мертвым сном.

Помню, снился мне какой то кошмар: немцы, гестапо, трупы, расстрелы товарищей... Я куда то бежал, где то прятался... но немцы были повсюду.

Проснулся в холодном поту. Начинало светать. Кровать находилась рядом с окном. Посмотрел в окно и... замер от ужаса.

Отчетливо вижу крестьянский сарай и у сарая немца с винтовкой.

Ну, думаю, здорово выпил: наяву уже мерещатся немцы.

Протираю глаза, смотрю снова: опять вижу немца. Мне кажется, что и немец заметил меня и внимательно за мной наблюдает.

Стало страшно, так страшно, как никогда еще в жизни. Между тем я не трус — я имел возможность проверить себя. И не раз. Я никогда не теряюсь, опасность меня занимает, тянет к себе. Товарищи меня называют «сорви голова».

А на этот раз растерялся. Решил, немцы ночью нас окружили. Что же мне делать? Что случилось с моими товарищами?

Пробую крикнуть, но звук не выходит из горла. Хочу двинуться с места — нет сил.

Первая мысль — стреляться (пыток боюсь больше всего). Но где револьвер? Припоминаю, он в кармане моей солдатской шинели. Шинель у дверей.

Делаю нечеловеческое усилие, стараюсь подняться, и падаю на пол с кровати. Встать не могу. Ползу в направлении двери.

От кровати до двери не больше трех метров, но я ползу с быстротой черепахи и время мне кажется вечностью.

Наконец, доползаю до двери. Пытаюсь стащить шинель мою с вешалки. Трудно безумно. В конце концов шинель падает на пол. Лихорадочно ищу револьвер. Вынимаю его из кармана, приставляю к виску. Пытаюсь нажать курок — не могу. Руки дрожат, не повинуются. Кажется мне, что постепенно теряю рассудок.

Плечом нажимаю на дверь, она открывается. На полу вижу спящих товарищей. Их присутствие придает мне отвагу.

Я кричу, как безумный: «Немцы»!..

Через секунду товарищи мои на ногах.

«Немцы»! кричу я опять. «Мы пропали».

— Где немцы?

Я указываю им на сарай.

На лицах у них сияет улыбка.

— Послушай, говорят они мне, ведь это пленные немцы. Нам ночью доставили их из нашего штаба. Мы

пытались тебя разбудить. Не смогли — ты спал, как убитый.

— С пленными был наш товарищ, адъютант командира. Он нам сказал, что в помещении нашего штаба их держать побоялись, да и для них не было места.

— Мы заперли пленных в сарае (их там четверо, среди них три офицера), а у сарая сторожить их поставили русского пленного, переодетого в немецкую форму. Теперь он из наших.

Мне стало стыдно так, как никогда еще не было в жизни. Стыдно за страх мой.

Но этот Сочельник в жизни моей я никогда не забуду.

Встреча с власовцем

ТРИНАДЦАТОЕ января — Русский Новый Год в 1944 году — я встречал в маленькой забытой Богом и не найденной немцами деревушке, на юге Франции, в четырех часах езды от Тулузы.

Нас было несколько иностранцев — голландцев, бельгийцев, испанцев и русских, потерянных среди французской молодежи, 19-20-ти летних юношей, спасавшихся от насильственной отправки в Германию. Мы принадлежали к 10 сектору французских партизан или, как их принято было называть, «макизаров», проявляв ших в то время активную деятельность на всей территории оккупированной немцами страны. Штаб-квартира нашего сектора расположена была в нашей деревне.

Десятитысячный немецкий гарнизон, состоявший в большей своей части из русских военнопленных, переодетых в германские шинели, стоял в двадцати километрах от деревни в уездном французском городке Кастре.

Зима 43-44 года выдалась на редкость суровая. Наша деревня тонула в снегу, дороги были трудно проходимы, и до нас добраться немцам было весьма не легко. Прекрасно осведомленные о всех партизанских

группах этого района, немцы не предпринимали никаких решительных действий и воздерживались от карательных экспедиций: занесенные снегом дороги и гористая местность не позволяли развернуться танкам, да и в переодетых русских большой уверенности у них не было. На всех поворотах дорог им мерещились партизанские заставы, и рисковать людьми им не хотелось. Между тем террористические выступления следовали одно за другим. Разбиралось железнодорожное полотно, взрывались мосты, железнодорожное движение в стране было затруднено до крайности.

Настроение среди партизан было приподнятое, чувствовалось приближение конца. Ежевечерне лондонское радио сообщало нам о новой русской победе и о предстоящей в Европе высадке союзников. Все были уверены, что наступил решительный год, год окончательного разгрома гитлеровских банд.

12 января 1944 года, в 8 часов утра, меня спешно вызвали в штаб-квартиру нашего сектора. Помещалась она в маленькой усадьбе, высоко в горах, в часе ходьбы от нашей деревни. Сопровождал меня туда молодой макизар-француз, на вид семнадцатилетний мальчик, исполнявший обязанности адъютанта при одном из командовавших нами офицеров.

В то утро подниматься в гору было не легко, ночью выпал новый снег, ноги вязли в снегу, и на дорогу мы потратили около двух часов. Когда, наконец, мы достигли цели и прошли все партизанские заставы, охранявшие подступы к нашему штабу, — я обратил внима-

ние на какое-то необычное волнение. Во дворе усадьбы стояли отдельные группы партизан, горячо что-то обсуждавшие. Когда я вошел в большую столовую усадьбы, превращенную в приемную, я заметил человека в немецкой военной форме, окруженного нашими офицерами. На рукаве его шинели были три буквы — Р.О.А. Они означали принадлежность солдата к Власовской армии. Французы тщетно пытались с ним объясниться.

Пленный повторял все время одно и то же слово «маки». Он не говорил ни по французски, ни по немецки и с очень сильным кавказским акцентом изъяснялся по русски.

Оказалось, что меня вызвали для того, чтобы исполнять роль переводчика. Когда наш «немец» увидел меня и узнал, что я русский, — его лицо просияло.

— Скажите им, — обратился он ко мне, что я бежал от немцев. Я их ненавижу. Я хочу сражаться против них с французскими партизанами.

Я перевел его слова. Французы отнеслись к его заявлениям весьма скептически. В то время к перебежчикам доверия большого не было, среди них было не мало шпионов, то и дело переходивших из одного лагеря в другой и сообщавших немцам ценные сведения о расположении партизан. Поэтому у макизаров установилась практика — с перебежчиками не церемониться, их выводили в расход, т. е. безжалостно расстреливали. Точно так же решено было поступить и с этим «немцем». Мне поручено было сообщить ему,

что завтра утром, на рассвете, приговор будет приведен в исполнение. Несчастный взмолился.

— Скажите им, чтобы они дали мне возможность показать себя на деле. Пусть они дадут мне самое опасное поручение. Я не боюсь ничего и готов пожертвовать своей жизнью.

Его искренность меня тронула, мне захотелось во что бы то ни стало его спасти. После бесконечных переговоров мне удалось убедить наших офицеров отменить расстрел. Было решено определить его в один из наших партизанских отрядов.

Куда его послали я не узнал и на много месяцев потерял его из виду.

Во второй раз я увидел его в день Освобождения, во время парада всех партизанских отрядов, состоявшегося в нашей деревне. Он шел во главе отряда еврейских мальчиков-партизан. На нем была рубашка защитного цвета, на плечах красные самодельные эполеты, правая рука была на перевязи.

После конца парада я разговорился с несколькими мальчиками из его отряда. Все они его боготворили за беззаветную храбрость. Он самолично при помощи ручных гранат остановил немецкий блиндированный поезд и, несмотря на серьезное ранение в руку, с подоспевшими партизанами взял в плен весь его командный состав.

Моего протеже звали Васей, — так окрестили его соратники, ибо выговорить его грузинское имя они не могли.

А л и б и

МАЛЕНЬКИЕ провинциальные городки во всем мире похожи, пожалуй, один на другой. Железнодорожный вокзал, площадь у вокзала с гостиницами и ресторанами, церковь, суд, школа, больница, городской сад, два-три кинематографа, здание театра, пустующее большую часть года, и в самом центре города колонна-памятник с перечислением фамилий местных граждан, павших на полях сражений многочисленных войн этого столетия.

Происшествие, речь о котором будет идти ниже, имело место в одном из таких городков.

Здание вокзала покинул молодой человек, на вид лет тридцати, весьма приятной наружности. Одет он был с иголочки. Походил — не то на коммивояжера, не то на приказчика из большого универсального магазина. Звали его Питером, фамилия — мало кому была известна, скорее даже — никому. Когда Питер с кем нибудь знакомился, — он никогда не называл своей фамилии, просил величать его просто по имени.

Поезд Питера пришел рано утром, не было еще семи часов. Питер вышел с вокзала, очень громоздкого здания, несоразмерно большого по сравнению со всем городком, и очутился на самой обыкновенной провин-

циальной площади. Посередине площади высился безвкусный фонтанчик с изображением ундин, похожих на престарелых римских матрон, вокруг фонтана скамейки и несколько невзрачных деревьев. Площадь обрамляли гостиницы. Питер провел в поезде ночь, тем не менее усталости особой не чувствовал. Путешественников было немного, свободных мест достаточно, и ему удалось как следует выспаться. Теперь его мучил основательно голод. Питер осмотрелся и выбрал ресторан, показавшийся ему с внешнего вида наиболее привлекательным, даже название было заманчивое — «Ресторан гурманов» и заказал хозяйке завтрак.

По причине раннего часа подавала Питеру сама хозяйка. Когда он кончил завтракать, и она принесла ему счет, он решил с нею заговорить.

— В вашем городке я впервые, — сказал Питер. Остаюсь до вечера. Вечером еду дальше. К сожалению, поезда раньше не оказалось. Скажите, что интересного в вашем городе? Есть ли старинные памятники, музей, а, может быть, любопытно осмотреть вашу церковь?

— Что вы, молодой человек, рассмеялась хозяйка. Наш город на редкость скучный. Ничего вы в нем не найдете. А впрочем . . . знаю — идите в суд. Да, да в наш суд. Там сегодня слушается очень интересное дело. С месяц тому назад ограбили нашего главного ювелира и, представьте себе, на месте преступления не удалось арестовать грабителей. Только спустя неделю полиция схватила какого-то весьма подозритель-

ного субъекта. Его сегодня и судят. Обязательно пойдите посмотреть! Всю нашу публику там увидите.

На лице Питера изобразилась гримаса.

— Суды, процессы, полиция — меня никак не интересуют, заметил он. Тем не менее он поинтересовался, как пройти к зданию суда. Хозяйка ему все толком объяснила.

Питер вышел из ресторана. Стояла чудесная июньская погода. Было еще не слишком жарко. Питер шел по узким улочкам, останавливался то и дело у витрин открывавшихся магазинов. Витрины большей частью были бедные, интереса никакого не представляли. Так он незаметно добрался до площади, на которой помещался суд. Поднялся по массивной лестнице, вошел в здание суда.

Питер проник в залу, где слушалось дело об ограблении ювелира в тот момент, когда шел допрос обвиняемого. Последний категорически отрицал свое участие в преступлении, утверждал, что в день грабежа его вовсе не было в городе. Когда за Питером закрылась дверь и он сел, с трудом отыскав свободное место, подсудимый неожиданно обратился к председателю суда и сделал сенсационное заявление.

— Этот молодой человек, подсудимый указал на Питера, может подтвердить мои слова. В день ограбления он видел меня в другом городе.

Публика заволновалась, повернулась в сторону Питера. Председатель предложил обвинению допро-

сить Питера в качестве свидетеля. Прокурор не возражал. Питера привели к присяге.

— Вы знаете подсудимого? спросил его председатель.

Питер внимательно оглядел подсудимого.

— Господин председатель, этого человека я не знаю, вижу его первый раз в жизни.

Подсудимый поднялся со своего места. Он был заметно взволнован.

— Разрешите напомнить молодому человеку обстоятельства, при которых он меня видел. В день ограбления этот молодой человек приехал в город Д, где я в тот момент находился. Мне было материально очень тяжело, я был без работы. Дни и ночи проводил у вокзала и зарабатывал гроши тем, что носил ручной багаж путешественников от вокзала до остановки трамваев или автобусов. Между прочим я нес чемоданы, этого молодого человека.

— В словах подсудимого есть доля правды, отметил Питер. Действительно, в указанный им день я приехал в город Д. Верно и то, что мне какой-то человек помог донести чемоданы от вокзала до остановки автобуса. Однако, как выглядел этот человек, я теперь совершенно не помню и никак не могу удостоверить, что моим носильщиком был подсудимый.

— Вспомните, сказал подсудимый, вновь обращаясь к Питеру, когда я нес ваши вещи, вы обратили на что-то внимание. Неужели вам ничего не приходит в голову?

Питер мучительно задумался.

— Да, я припоминаю. Было очень жарко. У моего носильщика были засучены рукава рубашки. На правой руке я заметил татуировку. Был изображен американский доллар. Я обратил на это внимание и поэтому поводу обменялся с ним несколькими словами.

Подсудимый сбросил пиджак и засучил правый рукав рубашки. Суд ахнул. На руке подсудимого был изображен доллар. Татуировка была изумительной.

Заседание суда было тотчас же прервано. Суд удалился на совещание и через пять минут вынес оправдательный приговор. Для всех было совершенно очевидно, что в день ограбления подсудимого не было в городе. Он блестяще доказал свое алиби.

Когда Питер выходил из здания суда, его обступили журналисты. Местные фотографы попытались запечатлеть его на пленке. Журналисты держали себя настолько развязно, что Питеру пришлось ответить на целый ряд вопросов, позировать фотографам, однако, он наотрез отказался.

Вечером Питер пришел на вокзал за полчаса до отхода поезда. Издали на перроне он увидел фигуру человека, которого всего несколько часов тому назад столь неожиданно выручил из обрушившейся на того беды. Питер не удивился поэтому, что бывший подсудимый поспешил подойти к нему и в течении нескольких минут крепко жал его руку. Тут же выяснилось, что он ожидает того же поезда, что и Питер.

**
*

Десять дней спустя в нашем городе царило сильное волнение. Председатель и члены суда чувствовали себя особенно неловко.

Местные газеты сообщили, что в соседнем городке имело место новое дерзкое ограбление. На этот раз полиции посчастливилось. Ей удалось арестовать злоумышленников. Их было двое. Организатором грабежа оказался наш старый знакомый Питер, его сообщником — человек с татуировкой доллара на правой руке.

Спутник

Вы не верите?! Вы не можете себе представить, чтобы человек, который не переносит вида крови, имел на своей совести несколько из ряда вон выходящих преступлений. Не одно, я повторяю, а несколько. Вы улыбаетесь. Вам кажутся невероятными мои утверждения. Вы думаете: не мудрено, что у него расшатались нервы. Семь бессонных ночей, ужасы воздушных бомбардировок, брошенные дети, вдребезги разбитые автомобили (помните окровавленные сидения, мой обморок, агония десятилетнего ребенка, раненого во время бомбардировки, душераздирающие крики тяжело-раненых в санитарных автомобилях?) . . . Наш безумный исход из Парижа. Помните, как на второй день нашего бегства я вас слезно уговаривал вернуться — ведь за первые 24 часа мы не прошли и 30 километров — а вы, чуть не насильно, заставили меня продолжать путь. Вы уговаривали грабителя и убийцу. Да, у вашего спутника окровавленные руки. В наш век, скажете вы, это не редкость. Верно. В этом я ищу себе оправдания, пытаюсь не думать о делах прошедших. Пытаюсь и не могу.

Постойте! Не перебивайте меня. Дайте мне высказаться. Вы — моя жертва. Не бойтесь! Не думайте, что

я избрал вас объектом нового преступления. Нет, я больше ни на что не способен. Я прошу вас — выслушайте меня до конца и вынесите мне приговор. Будьте моим прокурором. Наступил момент, когда мне нужно освободиться от тяготеющей надо мною тайны, опустошить перед кем нибудь мою душу. Этим «кем нибудь» будете вы — случайный мой спутник. Мы вместе пережили семь безумных дней и ночей, вместе видели смерть перед глазами. Вы лучше другого поймете меня.

***

Я — русский. Для вас это откровение, ибо вы не заметили и доли того акцента, благодаря которому столь легко распознать иностранца. В этом нет ничего удивительного. С раннего детства я находился на попечении гувернанток француженок, а затем вращался среди людей, которые предпочитали изъясняться на вашем родном языке.

Итак, я сын той страны, которая подарила миру Толстого и Достоевского, Пушкина и Блока. Ну, конечно, вы читали «Войну и Мир» и «Братьев Карамазовых» и не только читали, но, как говорите, за месяц до катастрофы с удовольствием перечитывали «Карамазовых» и решили, наверное, что окончательно постигли загадку славянской души. Пусть будет так. Я не хочу вас разочаровывать. Тем более, что мне приятнее иметь дело с собеседником, не совсем чуждым русской литратуре.

Простите, я все время отвлекаюсь от темы моего рассказа — мне безумно трудно собраться с мыслями, перенестись далеко назад.

Вы подливаете мне вина. Вы хотите вселить в меня бодрость. Убедить меня в том, что не все еще кончено, что жизнь начинается завтра. Для вас — может быть, у меня все позади. Горести и радости, подвиги и . . . преступления.

Когда я был юношей, ко мне приходили товарищи и мы наперебой рассказывали друг другу страшные истории. Выдумывали невероятные преступления. Моя фантазия была наиболее бедной и когда очередь рассказывать доходила до меня — я постоянно бывал в затруднении.

Кто мог тогда подумать, что жизнь сделает из этого человека отъявленного преступника.

Судите сами.

***

По профессии я — архитектор и притом выдающийся. Учился в Петербурге. Когда был на втором курсе Института, о моем успехе говорила вся столица. Мой проект на всероссийском конкурсе удостоился первого приза. Успех небывалый — студент-второкурсник затмил лучших архитекторов. Не мудрено, что на меня обратили внимание, со мною носились, забрасывали заказами. Как видите, слава пришла рано. Мне не было еще 23 лет. За год до конкурса я

успел жениться. Скажу вам правду, жена моя была женщиной бесцветной. Совершенно обыкновенной, ничего собой не представляла. Она не была даже особенно хороша, — таких женщин встречаешь на каждом шагу и редко когда оборачиваешься. Но ведь любовь слепа и необъяснима. Я влюбился, а может быть просто уговорил себя, что жизнь моя без нее невозможна, да и она меня сильно полюбила. Вопреки желанию наших родителей — (они смотрели на нас, как на детей — ей было всего 19 лет) мы обвенчались. Брак оказался удачным. Меня не интересовали другие женщины, я много работал в Институте, свободное время посвящал заказам. В начале карьеры строил много склепов. Да, представьте себе, специализировался на семейных склепах. Звучит это довольно мрачно. Несколько странная специальность. Кстати, о склепах этих речь еще будет позднее. Не буду, однако, забегать вперед.

Жили мы очень хорошо. Заказы оплачивались высокими гонорарами. Денег в банке у меня было много.

Получил как то заказ на театральные декорации. Заказ выполнил, пошел на генеральную репетицию. Репетиция назначена была на 4 часа дня, премьера — на 9 час. вечера. В театре пошел за сцену повидать артистов. За сценой встретил артистку, которой до того не знал. Она, очевидно, знала меня, хвалебно отозвалась о моих декорациях. Разговорились. Нас окружили другие артисты, уговорили меня остаться не только на

репетицию, но и на премьеру. Моя собеседница в этом спектакле не участвовала. На генеральной репетиции, а затем на спектакле сидела рядом со мною. Я в нее влюбился. Почему — объяснить не могу. Думаю теперь, произошло это потому, что я очень плохо знал женщин, не успел до женитьбы как следует пожить. Женился слишком молодо. Попалась мне эта артистка, звали ее Еленой, она несомненно во всех отношениях стояла выше моей жены, блистала красотою — я в нее и влюбился. Ночь провел у нее. На следующее утро вернулся домой. Жена настолько была во мне уверена, что ей в голову не могла прийти измена. Я выдумал какую то безобидную историю. Она мне, конечно, поверила.

После этой встречи жил на два дома. Средств было достаточно, чтобы содержать жену и Елену. Елена знала о существовании жены, жена не подозревала о существовании Елены.

Большевистская революция застала меня врасплох. Потерял все, что имел, а имел много. Деньги, бумаги, недвижимое имущество. Ухнуло все. Я растерялся. Растерялся из за Елены. Я ее приучил к богатству, баловал ее до крайности и аппетиты ее были далеко не скромные. Подумал, теперь она меня бросит.

Политикой я никогда не занимался. Получил приглашение от новой власти работать для них. Решил, что устроить это меня никак не может. Денег мне нужно очень много. Не так на мою семью (я имел уже в

то время ребенка), как на Елену. Пошел к моему дяде советоваться. Он знал о существовании Елены, от него я не скрывал ничего.

Пришел к нему, говорю — большевики зовут меня на службу, мне не хочется, у меня другой план. Хочу открыть антикварную лавку, торговать с иностранцами. В то время было не мало знатных англичан и американцев, скупавших за бесценок имущество буржуев, очутившихся в тяжелом положении. Мой дядя выслушал меня, попытался отговорить. Сказал, мой план — бессмыслица и безумие. Большевики все равно лавку прихлопнут. От дяди пошел к Елене. Застал ее в ужасном настроении. Денег ни копейки, расходов — тьма. Думаю, нужно выворачиваться, иначе дело дрянь — потеряю Елену. Страх этот толкнул меня на первое преступление.

Я стал антикваром и, притом, своеобразным антикваром. Подыскал молодых людей с сомнительным прошлым, организовал из них банду и мы опустошали брошенные буржуями квартиры. Торговали краденным. Больше того: помните, вначале моего рассказа я упомянул о склепах. Я за всю жизнь построил не мало склепов, знал, кто и где похоронен. Теперь мы эти склепы вскрывали по ночам и грабили покойников — снимали обручальные кольца, часто попадались и более ценные вещи. Дела в общем делали блестящие. Зарабатывали огромные деньги, моя Елена снова жила, как царица. Полиции мы не боялись, да ее и не было. Была так называемая милиция, которая никак не могла

справиться с царившей в городе анархией. Нас никто не беспокоил, все шло как по маслу.

Несколько месяцев жили мы припеваючи. А затем произошла весьма досадная история. Поссорились при дележе добычи. И один из моих молодцев пригрозил — выдать меня милиции, если я не выполню его требования, не вручу ему в течение ближайших 48 часов значительной суммы денег. Этой суммы у меня не было. Я не на шутку испугался. Пошел к дяде, о котором речь шла выше, денег у него не получил и решился на безумный шаг. Опять пошел на преступление.

Был у меня знакомый ювелир. С этим ювелиром я не раз делал дела. Выступал в роли комиссионера в тех случаях, когда мои клиенты не находили у меня того, чего искали. Я вызвал ювелира, сказал ему, что имею клиента на жемчужное ожерелье и назначил ему на завтра свидание. Заехал за ним на извощике, вывез его за город, поднял на шестой этаж уединенно расположенного дома, ввел в квартиру и там мы его прикончили. Задушили и ограбили. Заметьте, я в убийстве непосредственного участия не принимал. Душили его мои коллеги. Я даже в комнате не присутствовал. Доставил мою жертву, а сам на том же извощике вернулся в город. Пошел в церковь. Отмаливал грехи, бывшие и будущие. Особенно горячо молился за Елену. Ведь моя страсть к ней сделала из меня преступника.

На следующий день один из наших попался в руки милиции. По подозрению в торговле кокаином. Привели его в комиссариат, на допрос к следователю. Пер-

вые слова следователя — совет говорить только правду, наказание будет менее строгим. Наш растерялся, решил дело плохо, послушаюсь следователя. Рассказал об убийстве ювелира и выдал всех нас. Не знал, что его подозревали в торговле кокаином, а вовсе не в убийстве. Меня арестовали, посадили в чека, через неделю приговорили к расстрелу. О переживаниях моих говорить не буду. Не стоит, вы их верно ясно себе представляете.

Сижу неделю, другую. Изредка вижу Елену. Приносит передачи. Заключенных тогда не кормили. Их было слишком много, да и кормить было нечем. В стране был ужаснейший голод.

Приходит как-то ко мне Елена, приносит еду и рассказывает, что большевики объявили конкурс на постройку крематория. Назначили уже комиссию по рассмотрению проектов.

Новость эта запала мне в голову. Решил принять участие в конкурсе. Набросал в камере проект, подписать его не решился и отправил его под девизом. Для девиза избрал заповедь — «не убий».

Проект мой получает первый приз. Комиссия наводит справки, кто автор. Выясняется, автор — уголовный преступник. Положение у комиссии несколько затруднительное. Но очевидно мой проект был настолько блестящ, что его не только удостаивают премии, но выпускают меня из тюрьмы. Решили, что мои способности могут еще пригодиться.

В восемь часов утра я покинул страшное здание

на Гороховой 2. Имел ключ от квартиры Елены. Пошел прямо к ней. Семьи у меня уже не было. Жена от меня отвернулась, не хотела иметь дело с уголовным преступником. Открываю квартиру Елены, вхожу в спальню. Вижу Елену и рядом с ней моего самого близкого друга.

Я повернулся и вышел. Пошел к дяде. Дядя встретил меня с распростертыми объятиями. Безумно обрадовался, когда ему сообщил, что окончательно порвал с Еленой. Предложил жить у него. Я согласился. Начал работать. Работал очень успешно, имел много заказов. Мне казалось, что я окончательно вычеркнул Елену из своей жизни.

Я ошибся. Через два месяца она появилась вновь. Зашла навестить меня, я ее увидел и снова пропал. Она переехала ко мне. Сколько прожила со мною — не помню. Кажется несколько месяцев. Мое чувство к ней объяснить не берусь. Я ее любил и ненавидел. Знал, она меня не любит, ей нужны только мои деньги, я ей нужен только тогда, когда я на коне. У меня не было силы воли положить этому роману конец. Я мечтал об этом и не находил в себе достаточно мужества.

А затем снова несколько необычная история. В один прекрасный день я получил письмо от незнакомой женщины. Женщина эта писала о своем желании со мной познакомиться, указывала на то, что следила за моей жизнью. Я с ней познакомился, она внешне меня потрясла (красоты была необыкновенной), я сделал ей предложение. Она его приняла. Я сообщил об

этом Елене, сказал, что хотел бы выдать ее предварительно замуж за моего приятеля, с которым она мне изменила. Обещал материально ее обеспечить. Елена охотно согласилась. Моего друга она любила очевидно по-настоящему.

Свадьба Елены была назначена за неделю до моей. Все расходы, конечно, я взял на себя. В день свадьбы явились все приглашенные. Их было не мало. Не явилась только невеста. О пропаже Елены сообщили милиции. Через два дня труп ее был обнаружен в корзине от белья. Ее задушили. Против меня улик никаких не было. Разве только то, что корзина принадлежала мне. Тем не менее меня арестовали. Суд меня оправдал. Я вышел из тюрьмы. Невеста меня бросила.

На этом мне следовало бы кончить, поставив точку под моим рассказом. Но я не могу, я не в состоянии носить больше эту тайну, мне нужно исповедаться. Я исповедаюсь перед вами. Слушайте, я собственноручно задушил Елену. Я ее убийца. Ибо я не мог примириться с мыслью, что эта женщина будет принадлежать другому. Страсть меня погубила.

Приключение

НИКОЛАЙ очень недолюбливал Нью Иорка. Его давили небоскребы, безумно утомляли бесконечно длинные поездки в ньюиоркском собвее, в переполненных до отказу и до-нельзя шумных вагонах, где невозможно расслышать слов соседа, действовали на нервы сирены полицейских автомобилей и пожарных команд. Всякий раз, когда раздавался воющий звук сирены, он невольно вздрагивал. Ему припоминался Париж 1943 года, налеты союзников, непрекращающиеся воздушные тревоги. Утром, днем и ночью выла сирена и люди поспешно бежали в подземелья. Николай вспоминал своего маленького фоксика, к которому был привязан, как к ребенку и с которым никогда не расставался. Фоксик этот, как только раздавался рев сирены, начинал заметно нервничать, отчаянно выл и заставлял Николая спускаться в неуютный подвал. Там собачка успокаивалась и, не двигаясь, сидела на коленях Николая, ожидая конца тревоги. Очевидно не только люди, но и звери отдавали

себе отчет в происходящем, инстинктивно искали наибольшей безопасности.

А затем приходил на ум трагический день, на всю жизнь Николай запомнил это число, 21 июня 1943 г. — день гибели фоксика. В этот день первая воздушная тревога была дана в семь часов утра. Николаю до смерти не хотелось вставать, накануне он лег очень поздно, но собака выла так безнадежно и так настойчиво тащила его из квартиры, что ему пришлось подняться с постели. Не желая одеваться, он накинул на плечи пальто и взял на руки фоксика. До ближайшего прикрытия Николаю было очень близко. Нужно было пройти через двор, выйти на улицу и сделать шагов десять до лестницы, спускавшейся в погреб. Когда Николай был во дворе, отчетливо близко послышался свист падающих бомб и через две-три секунды разрывы. Напуганной до смерти собаке удалось как-то высвободиться из объятий Николая и броситься на улицу. Николай пустился за нею. Что было потом Николай не помнил. Он очнулся под вечер. Осмотрелся, понял, что лежит в больнице. Ныла левая рука. Но ранение оказалось пустячным, через две недели он выписался из больницы, направился к себе домой и увидел на месте дома, где он жил, развалины. Ему стало легче на душе, ибо он не мог представить себе

своей квартиры без радостно встречающего его фоксика, а ведь собака погибла при бомбардировке. Все к лучшему, подумал Николай. В Париже меня больше ничего не удерживает. Начнем жизнь сначала, и он твердо решил после окончания войны переменить страну, бросить Францию.

Два года тому назад он приехал в Нью Иорк, пришел в ужас от этого города и решил как можно скорее из него выбраться.

Несколько месяцев он мыл посуду в одном из многочисленных русских ресторанов Нью-Иорка, работал на фабрике, одно время грузил пароходы и вечерами жалел, что так поспешно расстался с Европой. А затем, как это случается только в Америке, с неба свалились деньги. От одного из крупнейших нью-иоркских банков он получил извещение о том, что ему причитается пять тысяч долларов, согласно завещанию какого то весьма дальнего родственника, умершего с год тому назад в Америке. Заветная мечта Николая могла теперь сбыться — теперь он мог покинуть Нью Иорк. Его всегда соблазняла Калифорния, и он твердо решил переселиться туда. В два дня он ликвидировал все свои нью-иоркские дела, забрал деньги из банка и вечером того же дня находился уже

в спальном отделении поезда, уносившего его в Сан-Франциско. Счастью его не было предела.

На следующее утро Николай сидел в вагон-ресторане и с большим аппетитом закусывал. В середине завтрака к его столику присели двое молодых людей. Как полагается, вскоре завязался общий разговор. Сначала о погоде, погода кстати стояла изумительная, после перешли на другие темы. Молодые люди представились Николаю. Были они артистами варьете. Несколько месяцев гастролировали в одном из лучших кабарэ Нью-Иорка, а теперь возвращались к себе домой. Нью Иорка они не любили так же, как не любил его Николай.

— Послушайте, говорил один из них, как можно любить город, где люди перестают существовать и превращаются в роботов. Разве можно выдержать этот безумный темп, эту постоянную спешку, эту сумасшедшую погоню за долларом? А чего стоит климат!? Ведь страшна не нью-иоркская жара, у нас бывает значительно жарче, а эта чудовищная влага, которая вас буквально убивает. Ну, и городок . . .

Наши путешественники сильно засиделись в вагон-ресторане. Тем временем прибывала все новая публика, свободных мест оставалось мало, им следовало бы

освободить столик, а молодые люди все говорили и говорили, рассказывали Николаю о своих театральных выступлениях, передавали интересные подробности из жизни других артистов. Николаю они очень понравились, и он предложил им продолжить их разговор в его отделении. Те охотно согласились, покинули вагон-ресторан и устроились в купэ Николая. Один из собеседников оказался фокусником по профессии и тут же поразил Николая совершенно необыкновенными фокусами, от которых тот пришел в неописуемый восторг. Просидев с Николаем часа два, они было собрались его покинуть, но Николай уговорил их остаться и между ними снова завязался чрезвычайно интересный разговор о холливудских фильмовых звездах. В середине разговора, речь шла, кажется, в этот момент о последнем браке Ланы Тэрнер, один из молодых людей неожиданно переменил тему.

— Послушайте, сказал он, обращаясь к Николаю. Вы производите на меня исключительно хорошее впечатление. Я чувствую к вам полное доверие. Почему — объяснить не могу, но знаю, что не ошибаюсь. Поэтому я решил посвятить вас в историю несколько необыкновенную, из ряда вон выходящую, и верю, что вы нас не подведете. Видите этот непривлекательный чемоданчик, с которым, вы, вероятно, заметили,

я не расстаюсь ни на минуту. В этом чемоданчике я везу фальшивые доллары: 10.000 фальшивых долларов в двадцати долларовых купюрах. Подделка необыкновенная. Посмотрите . . .

Он раскрыл чемоданчик и передал Николаю купюру. Николай внимательно осмотрел двадцати долларовую бумажку и тотчас же подумал: вероятно, это какой то фокус. Ведь не фальшивомонетчики эти молодцы.

— Не правда ли изумительная подделка? продолжал молодой человек. Никто не может отличить их от настоящих. Мы неоднократно делали опыты, сделаем опыт и при вас. Пройдем в вагон-ресторан, закусим и я заплачу вот этими деньгами. Согласны?

Николай долго, но безуспешно сопротивлялся.

– Сделайте это ради нас, уговаривали они, ведь вам то ничего не угрожает. Чего же вы боитесь?

Николай собственно и не боялся. Он был совершенно уверен, что деньги эти не фальшивые и что его просто пытаются разыграть.

Пошли вместе закусывать и счет за обед был оплачен одним из новых знакомых Николая, который вытащил деньги из чемоданчика. Сдача с 20 долларов была тотчас же вручена молодому человеку.

Снова вернулись в отделение Николая, заговорили о другом. В течение дня спутники Николая несколько раз меняли двадцати долларовые купюры, вынутые из чемодана и каждый раз обращали внимание Николая.

— Ведь действительно необыкновенно, говорили они, какая изумительная подделка. Никто не сможет отличить их от настоящих . . .

А затем последовало несколько неожиданное предложение.

— Хотите купить этот чемоданчик? спросил один из них Николая. Продаю его за 5.000 долларов. Блестящее дело. Вы уплатите пять тысяч за десять. Заработаете пять тысяч долларов — целое состояние.

Николаю этот разговор о деньгах порядком надоел.

— Послушайте, сказал он, вы надо мной явно издеваетесь. Я не сомневаюсь, что деньги эти настоящие и поэтому решил вас проучить. Хорошо, я их покупаю. Прошу пересчитать при мне содержимое вашего чемодана.

Через полчаса сделка была заключена. Николай уплатил пять тысяч долларов, которые имел при себе, и забрал чемоданчик молодого человека. В душе он

был уверен, что через час они вернут ему его деньги и попросят чемоданчик обратно. Он с нетерпением ждал, когда они снова заговорят об этих деньгах.

Поезд подошел к какой то станции. Остановка оказалась довольно продолжительной и один из молодых людей, сказав, что хочет размять ноги, вышел на платформу. Он прошелся по платформе, а затем подошел к газетному киоску и спросил, где помещается почтовое отделение на вокзале. Ему указали. Он вошел на почту, подошел к телефону, вызвал начальника станции следующей остановки поезда и сообщил тому, что в поезде, который через час дойдет до его станции, везут фальшивые деньги. Сообщил номер вагона и номер отделения и весьма подробно описал чемоданчик, в котором находится на десять тысяч фальшивых долларовых купюр. С почты молодой человек вернулся в вагон и когда поезд отошел от станции между путешественниками снова завязался разговор. Говорили о всяких пустяках, но о деньгах ни слова. А Николай все ждал, когда они вновь затронут этот вопрос.

Через час поезд вновь остановился. В дверях купэ неожиданно появилась полиция. Николай побледнел.

— Кто собственник этого чемодана? спросил по-

лицейский и указал на чемоданчик с долларами, купленный два часа тому назад Николаем.

Николай сделал вид, что к чемоданчику не имеет никакого отношения. А вдруг деньги действительно фальшивые, подумал он. Ведь это тогда катастрофа. Видя, что Николай молчит, на вопрос полицейского точас отозвался один из молодых людей.

— Это мой чемоданчик, заявил он полицейскому.

Полицейский забрал чемоданчик и вывел молодого человека из вагона. За ним добровольно последовал его товарищ. Николай остался один в купэ и свободно вздохнул.

— Ну, и влетел же я в историю. Чуть не попал на скамью подсудимых. Вот тебе и урок. Дорогой урок. Но лучше уж так, чем скамья подсудимых . . .

В это время поезд медленно отходил от станции.

Наших молодых людей с вокзала отправили в полицию. Появился следователь.

— Господа, не отпирайтесь, заявил он с места в карьер, вы — фальшивомонетчики. При вас десять тысяч фальшивых долларов.

На лицах задержанных изобразилось удивление.

— Послушайте, сказал один из них, вы определенно приняли нас за кого то другого. Будьте добры проверьте содержимое нашего чемоданчика.

Десять тысяч долларов в чемоданчике оказались настоящими.

Степа

МОЕГО нового друга зовут Степа. Ему 27 лет. Он совсем недавно в Америке. У Степы удивительно приятное лицо и замечательные карие глаза. Они блестят как-то по особенному, тепло и приветливо.

Степа — бывший танкист. Лейтенант Красной армии, командир танка Т-34. У него много военных отличий — орден Суворова за уничтожение 4 немецких танков в битве под Житомиром, орден Красной звезды, медаль за проявленную отвагу.

Степа ни разу не был ранен, только раз контужен в голову, когда немцы подбили его танк. Он выскочил наружу и был сбит с ног разорвавшимся у танка снарядом. Контузия отразилась на слухе — Степа плохо слышит на левое ухо.

Начало войны застало Степу в Харькове. Он был студентом местного политехникума, выдавался своими способностями. Его мобилизовали и, как студента, определили в офицерскую школу танкистов в Орле.

Ускоренный 10-месячный курс, и на Степе красивая форма — длинная защитного цвета шинель, на плечах погоны, на погонах одна звездочка — младший офицерский чин Красной армии.

Степа проводит в Харькове свой недельный отпуск перед отправкой на фронт. Там живет Ирина, с которой он познакомился за год до войны и в которую влюбился по уши.

Молодые строят планы на будущее. Степа вернется, конечно, с войны здрав и невредим, они поженятся и никогда больше не расстанутся.

. . . а на фронте уже грохочут пушки, десятки тысяч людей гибнут за родину . . .

Неделя пролетает, как сон. А затем мучительное прощание. Ирина рыдает, Степа с трудом сдерживает слезы.

Переполненный народом вокзал. Третий звонок. Поезд медленно двигается. Степа высовывается из окна и видит издали заплаканное лицо Ирины. Она долго еще машет ему платком и тем же платком вытирает катящиеся по щекам слезы.

Через минуту все уже позади — дорогая сердцу Ирина, бесконечные разговоры о любви, взволнованный военными событиями Харьков . . .

Начинается новая жизнь.

Первое боевое крещение под Калининым, вернее по дороге на передовые позиции, когда немецкие самолеты обстреливают из пулеметов колонну советских автомобилей.

— Я очень быстро привык к боевой обстановке, рассказывает Степа. Страха не испытывал, хотя знал, что смерть в танке самая страшная.

— Из под Москвы, после того, как остановили

немцев, нашу дивизию перебросили на Сталинградский фронт. Жарко там было очень. Не пересчитать, сколько раз ходили в атаку. Танки всегда прикрывали пехоту, первыми шли вперед.

Степа присутствует при капитуляции армии Паулуса . . . Видит десятки тысяч пленных «фрицев». Охрана пленных поручена румынам и венграм. Ненавидят они немцев люто и обращаются с ними так, как те того заслуживают.

После Салинграда, Ростов, а затем русские войска приближаются к Харькову.

В этом городе жила Ирина. Что с нею? Где она? думает Степа и ему безумно хочется увидеть свою возлюбленную.

Танк Степы идет в авангарде. Он рассчитывает одним из первых ворваться в опустошенный немцами город.

Две недели ожесточенных боев. Немцы оказывают серьезное сопротивление. В этих боях отличается Степа, получает медаль за отвагу.

16 февраля 1943 года взят Харьков. Вид города страшный. Повсюду дымящиеся развалины, кучи щебня, на улицах трупы.

От дома, где жила Ирина, не осталось следа. Степан носится по городу, останавливает каждого уцелевшего жителя, пытается отыскать след любимой девушки. Пропала. Кто-то рассказывает Степану, что немцы увели Ирину с собой.

В первый раз в жизни Степан напивается, буянит, его с трудом усмиряют.

Через два дня его часть выступает в поход.

Новые победы. Советские войска подходят к польской границе.

— Все время в бою, вспоминает Степа. Идем в авангарде. На танке примостились измученные донельзя огромными переходами пехотинцы. Перед каждой атакой командование подкрепляет их водкой: на человека полагается по 200 граммов. На смерть идут в дурмане, а потому ничего не боятся. О смерти никто не думает. Ужасно другое — наш танк во время атаки давит наших же раненых. Я слышу их предсмертные крики, но сделать ничего не могу. Не имею права изменить маршрут танка, получаю инструкции по радио и принужден итти напролом.

— На территории Польши, когда приближаемся к Львову, принимаю решение — хочу отыскать Ирину, верю, что найду ее у немцев в тылу. Вызываюсь добровольцем к партизанам. Формирую отряд. Нас 80 человек. Среди них поляки, украинцы, белоруссы. Нас должны сбросить с самолетов позади немецких линий в районе Львова.

Иду на авантюру. Отдаю себе ясный отчет. Но ведь Ирина дороже всего . . .

. . . .

Февраль 1944 года. Темная зимняя ночь. Ни зги не видать. Наш самолет летит очень низко. А затем

прыжок в неизвестность. Чудовищно медленный спуск на парашюте. Наконец, земля под ногами. Опушка леса. Кругом незнакомые люди. Нас ведут в штаб партизан, осведомленных о нашем прибытии.

Живем в землянках, в лесу.

Зима на редкость суровая. Страдаем от холода. Особенно мучительны ночи. Невозможно согреться.

У нашего отряда установлена радио-телеграфная связь с Лондоном через Москву. Наша задача — дезорганизация немецкого тыла. Устраиваем нападения на отдельные гитлеровские отряды, безжалостно расправляемся с немцами, взрываем железно-дорожные пути и мосты, мешаем подвозу продовольствия на фронт.

У нас фальшивые документы. Вернее настоящие бумаги, выставленные немецкими комендатурами на имена иностранных рабочих, так называемых «остовцев», бежавших с заводов и фабрик.

Мой «аусвейз» выставлен на имя русского рабочего Попова, бежавшего с военного завода в городе Штуттгарте.

С этими «аусвейзами», в поисках теплой одежды, мы пробираемся в город, во Львов, и обмениваем консервы на шкуры и шерсть. Заводим знакомства с поляками. Среди них имеем много друзей.

Я никогда не отправляюсь в город один. Мои обычные спутники — два самых близких товарища: Николай и Тадеуш.

Тадеуш — поляк. Хорошо говорит по немецки и

с акцентом по русски. С самого начала войны в Красной армии. Тоже проделал Сталинград, Ростов, Харьков и наступление на Польшу.

В конце марта отправляемся как то во Львов навестить наших лучших знакомых, польскую семью, живущую на окраине города.

Идем без оружия, в валенках и полушубках на бараньем меху. С виду трудно в нас распознать партизан, напоминаем польских крестьян из соседних к городу деревень.

Наши друзья встречают нас очень радушно. На столе самовар. Угощают, чем могут. Мы забываем на время о нашем зверином существовании, о жизни в землянках, в лесу.

А затем, какой то непривычный шум на дворе. До нашего слуха доносится громкая немецкая речь, шум моторов, бряцанье оружием . . .

Мы попали в ловушку. Дом окружен отрядом эс-эсов. О бегстве не может быть речи.

Самый страшный момент в моей жизни. Теперь, когда вспоминаю, дрожь проходит по коже. Трусом, однако, себя никогда не считал и смерти никогда не боялся.

Только бы не было пыток; пронеслось у меня тогда в голове.

Нас везут в комендатуру под охраной отряда эс-эсов. За нами следует танк.

Первый допрос.

В руках немцев — эс-эсов резиновые палки с ме-

таллическими наконечниками. Их четверо. Один прилично говорит по русски и переводит мои ответы на немецкий язык.

Из допроса понимаю, что нас арестовали по доносу. Подозреваю украинцев, — соседей наших знакомых поляков.

— Сознавайся, мерзавец, кричит на меня переводчик, ведь ты — бандит — партизан.

Я, как могу, защищаюсь. Знаю, мое признание равносильно расстрелу. К счастью, на мне нет оружия и бумаги в порядке.

Немцы звереют. Один из них приближается и начинает меня избивать резиновой палкой. Метит в голову. Я стою и не двигаюсь. По лицу течет кровь. Я уже плохо вижу и с трудом соображаю. Металлический наконечник впивается в тело, наносит настоящие раны.

Я повторяю все тоже: — Делайте со мной, что хотите. Я сказал правду. Добавить мне больше нечего.

Один из эс-эсов выходит из комнаты, возвращается через 10 минут. Говорит что то своим товарищам. Я догадываюсь, он справлялся по телефону в Штуттгарте, был ли там на фабрике русский рабочий, на имя которого выставлен мой документ. Такой там действительно был. Ведь мой документ — настоящий.

Меня выводят из комнаты. Я еле волочу ноги. Кровь течет ручьями. Один глаз подбит, на другой —

я почти ничего не вижу, потому что кровь стекает со лба.

Немцы доводят меня до маленькой двери. У одного из них связка ключей. Дверь открывается, пинок сзади и я валюсь на каменный пол. Затем щелк ключа в замочной скважине.

Камера моя страшно маленькая. Это скорее не камера, а чулан, в котором нет места для тюремной кровати. У меня не хватает сил подняться на ноги, безумно кружится голова и страшно хочется пить. Жажда меня убивает. Безнадежно пытаюсь собраться с мыслями, сообразить, что произошло, принять решение о дальнейшем моем поведении и . . . не могу.

. . . .

. . . .

Сколько спал — я не помню. Когда проснулся увидел над собою знакомую по вчера фигуру эсэсовца.

Он толкает меня ногою в бок, приказывает немедленно встать.

Я с трудом поднимаюсь. Все тело ноет от вчерашних побоев, вид, наверное, страшный — подбитые глаза, на голове и лице следы запекшейся крови.

Меня выводят во двор. Ужасно холодно. На дворе стоят «преступники», свыше 100 человек. Очевидно, такие же, как и я. Среди них пытаюсь отыскать глазами Николая и Тадеуша. Вижу их. Они стоят в первом ряду. В душе очень рад, что нашел их живыми.

Перекличка задержанных, а затем нас сажают на грузовики и везут. Куда? Не на расстрел ли? Мне все совершенно безразлично. Скорее бы только прикончили.

Едем минут 15. Грузовики останавливаются у вокзала. Нас выстраивают попарно и ведут за вокзал. На подъездных путях стоят товарные вагоны. Мы влезаем в эти теплушки. У дверей вагонов и на площадках охрана — десятки эс-эсов.

В ведрах приносят похлебку. Набрасываемся на нее, как дикие звери.

Стоим час, два, три . . . Только под вечер трогаемся в путь. Двери вагона наглухо закрыты. Переполнение и духота страшные. Буквально нечем дышать. О спанье не может быть речи. Нет места не только лечь, но и сесть. Дремлем стоя.

Поздно ночью остановка поезда. Сквозь щели вагона пробивается яркий электрический свет.

С шумом растворяются двери. Мы стоим у перрона небольшой железнодорожной станции. По вокзалу шмыгают эс-эсы. Посередине здания красными буквами написано: «Бухенвальд».

Вспоминаю, — имя это не произвело на меня тогда никакого впечатления. Я ничего не знал о существовании лагерей смерти. А потому, это страшное слово было для меня пустым звуком.

Всех новоприбывших выстроили на вокзале. Осветили сильными прожекторами. В стороне стояла группа эс-эсов. Они внимательно нас осмотрели. Ста-

риков, пожилых и больных отделили. Меня тотчас же повели на новый допрос.

Выбеленная известкой комната. Никакой мебели, кроме одного деревянного стула в углу. В комнате два эс-эса. У одного на привязи огромный пес — немецкая овчарка.

Сразу угрозы. Не будешь говорить правды, спустим с цепи собаку. Она тебя растерзает.

Я стою в пяти шагах от эс-эсов. Молчу.

— Говори, кричит один из палачей. Сознавайся, ведь ты — партизан.

Я молчу. Мне говорить нечего. Меня одолевает нечеловеческая слабость. Пусть делают, что хотят.

Немец наклоняется и спускает собаку с цепи. Собака медленно подходит ко мне. Обнюхивает и . . . не трогает. Я боюсь шелохнуться. Смотрю на немцев — у них удивленные лица. Очевидно тоже не понимают, в чем дело.

Несколько безмолвных секунд, которых я никогда не забуду. Затем один немец срывается с места, подбегает и рвет на мне рубаху.

Собака набрасывается на меня. Сбивает с ног. В мое тело впиваются ее острые зубы. Я теряю сознанье . . .

. . . .

Через сколько часов очнулся, — не знаю. Тьма кромешная. Лежать очень неудобно. Не понимаю на

чем лежу, где нахожусь. Шарю руками, о, ужас — кругом трупы, я — в мертвецкой. Мурашки проходят по коже. Немцы, очевидно, решили — я кончился . . .

Поднимаюсь, спотыкаюсь о трупы, совершенно нет сил, да и по мертвецам ходить неудобно. Пытаюсь ощупью отыскать дверь, выбраться на свободу.

Мои поиски, как мне кажется, продолжаются целую вечность. Наконец, я у двери. Нажимаю всем телом, дверь поддается.

На дворе, у мертвецкой стоит часовой. Он сначала не понимает в чем дело. Действительно странно — воскресение из мертвых.

Момент замешательства, и. . . я снова в руках у немцев. Часовой волочит меня на допрос.

Провожу неделю в одиночном заключении. Снова допросы, избиения и пытки . . .

А затем опять поднимают ночью, выводят на улицу . . . Во дворе большая партия арестантов. В ней нет Николая. Я вижу только Тадеуша. С трудом его узнаю. У него завязана голова, на щеках болезненный румянец. Когда он меня замечает, на его лице появляется что то вроде улыбки.

Мне хочется подойти к нему, пожать ему руку, расспросить о Николае. Но я стою далеко, в паре с незнакомым человеком.

. . . .

Едем на Запад. Опять в товарных вагонах. Нас держат все время взаперти. Мы задыхаемся. Люди не

выдерживают этих мучений. Смертность огромная. Когда раз в день двери вагона растворяются и нам передается полуголодный паек — миска супа и совершенно несъедобный ломоть черного хлеба, — мы вытаскиваем из вагона трупы и вручаем их сопровождающим нас эс-эсам.

К концу третьих суток население нашей теплушки заметно редеет. В дороге скончалось по меньшей мере 20 человек. Теперь мы можем дышать, по очереди сидеть на полу.

Тадеуш устроился рядом со мною. Я его расспрашиваю о Николае. Он ничего о нем не знает. Наш товарищ очевидно погиб в Бухенвальде.

Через неделю приезжаем на место. Наш поезд останавливается в двух милях от города. Под охраной эс-эсов нас ведут по узким, извилистым улицам. По вывескам на магазинах и лавках и по названиям улиц догадываюсь, что нас привезли во Францию . . . Мы — в Лотарингии.

. . . .

Работаем на каменноугольных шахтах. Живем под землею.

Описать наши условия жизни нет никакой возможности, никто не поверит. . .

Настоящий ад. Нас несколько сот человек. Всех национальностей. Много очень французов, бельгийцев, поляков. Попадаются норвежцы, голландцы, датчане. Чаще всего слышна русская речь.

Работаем по 14 часов в день. Голодаем. Спим на угле. Нас не поднимают наверх. Мы потеряли всякое представление о времени. Не знаем, когда начинается день и кончается ночь.

На почве голода люди постепенно звереют, теряют человеческий облик. Не дают спокойно умирать товарищам, за несколько часов до смерти, когда человек уже в агонии, проламывают его череп, извлекают мозги и . . . страшно сказать, питаются ими.

4 месяца 12 дней мы провели в этом аду. Не понимаю, как выжили. Освободили нас американцы.

Я бросился разыскивать мою Ирину. Исколесил всю Германию, но ее не нашел.

Тринадцать

ВАМ незнакомо это чувство?! Я могу вам только позавидовать. У вас нет никаких предрассудков, у меня их, повторяю, тысячи. Я болезненно суеверен. Боюсь цифры 13, перебегающих дорогу черных кошек, никогда не закуриваю третьим...

Вас это, конечно, удивляет. Вам казалось — вы имеете дело с разумным человеком, а на самом деле человек этот, и притом довольно интеллигентный, серьезно верит каким-то глупостям, приносящим будто несчастье.

И заметьте, мое суеверие, вовсе не плод больной фантазии. Жизнь заставила меня верить тому, чему верит только глухая деревня, придавать каждому ничтожному событию значение.

Теперь я живу с опаской. Озираясь хожу по улицам (сколько черных кошек в Нью Иорке!..), боюсь уронить нож или вилку, сесть на автобус, номер которого делится на цифру 13 . . .

Живу все время на стороже. Со всех сторон ожидаю каких-то неприятностей и всеми силами хочу избежать их. Усложнил себе жизнь до крайности и поделать с собой ничего не могу.

В детстве у меня была няня. Звали ее Василисой. Каждую весну мы переезжали из города на дачу.

Помните цыганок? Сколько их тогда было. Василиса не пропускала ни одной цыганки. Все они предсказывали ей будущее. Я часто присутствовал на этих сеансах. Прислушивался к бессвязной цыганской речи, половины не понимал, но тем не менее внимательно слушал.

Это постоянное общение с цыганками в детстве очевидно отразилось на воображении ребенка. А затем произошел ряд событий и эти события укрепили веру мою в то, что принято называть суевериями.

Вы скажете — пустяки. Не обращайте внимания на эти глупости. Ведь это просто совпадения.

Я долго пытался убедить себя в этом, не хотел придавать значение «случайностям» и каждый раз жестоко страдал.

Пережить пришлось много. Расскажу один поразительный случай.

До переезда в Нью Иорк, я 13 лет (цифра эта меня определенно преследует!) прожил в Париже. По делам службы много разъезжал по Европе.

В 193.. г., в ночь под Новый Год, мне пришлось срочно поехать из Парижа в Берлин. Ехал я с большой неохотой, боялся, что встреча Нового Года в пути — значит весь год в путешествиях.

Моим опасениям суждено было сбыться. Никогда еще в жизни я не пользовался так часто железной дорогой, как в тот памятный год. Помимо деловых путе-

шествий, я проделал десятки раз маршрут Париж — Ницца, а из Ниццы мчался в Монте Карло, где дни и ночи просиживал за карточным столом.

О, ведь я забыл предупредить вас, что я страстный игрок (еще одно откровение). Для вас — это новость, для меня — катастрофа. За свою жизнь я проиграл состояние.

Возвращаюсь к рассказу.

В пути из Парижа в Берлин я познакомился с женщиной. Русской. Она была замужем, имела ребенка. Жили они постоянно в Париже. В Берлин она ехала навестить тетушку, которая ее воспитала.

Что может быть банальнее железнодорожного знакомства. Сколько мимолетных знакомств я заводил в вагон-ресторанах, на вокзалах железных дорог, в поездах дальнего следования . . .

Но слушайте дальше.

Ее звали Лидией. Высокая стройная блондинка. Большие голубые глаза, точеный нос, прекрасная фигура.

Я влюбился, а может быть просто увлекся, потому что до сих пор не знаю, что такое любовь, а тогда знал еще меньше, чем знаю сегодня.

Мне кажется, что любовь — это спорт. Так и тогда, мне захотелось одержать победу над красивой женщиной.

После приезда в Берлин мы встретились и завязался безумный роман. Вскоре Лидия стала моей. Я

достиг своей цели. Но я не учел одного — для Лидии наша связь оказалась только началом романа.

В течение месяца мы встречались изо дня в день. Обычно в 2 часа ночи я возвращался в гостиницу, бросался на кровать и засыпал мертвым сном. Скажу вам правду, — стал тяготиться этим романом.

Каждый день, конечно, осложнял положение. Я отдавал себе отчет, что от этой женщины мне трудно будет избавиться. Тосковал по карточному столу и шарику, приносящему счастье. Рвался в Париж. Берлина никогда не любил, а немцы меня раздражали.

А затем случилось то, чего я безумно боялся. В одно из наших свиданий, Лидия поведала мне, что решила развестись с мужем и стать моей женой.

Я ее уговаривал не принимать никаких необдуманных решений, помнить о том, что у нее семья и ребенок.

В тот вечер мы рано расстались. Я проводил Лидию домой и к себе возвращался пешком. Терял голову. Не знал, что предпринять.

На следующий день я снова был с Лидией. Мы долго молча ходили по пустынным улицам города, продрогли до мозга костей и зашли в маленькую пивнушку, расположенную на отлете.

В ней сидели немецкие «бюргеры» за кружками знаменитого баварского пива. Играли в скат и галдели. Я с трудом нашел свободный столик, заказал по рюмке вина.

Лидия была на вид необыкновенно спокойна. Во

время прогулки ни разу не подняла вопроса о разводе, избегала говорить на тему наших отношений.

Усаживаясь за столик, она привычным жестом поставила свою сумку рядом с собой, затем приоткрыла ее и положила на стол револьвер.

В таких случаях я не теряюсь.

Я предложил ей немедленно покинуть пивнушку. Тем более, что все смотрели на нас.

Мы вышли. Она мне сказала, что застрелит меня и покончит с собою.

Я с трудом ее успокоил.

Мы снова гуляли по улицам и говорили до утра о любви.

Около 4 часов мы расстались. По дороге домой я принял решение.

В то же утро я уехал в Париж. Пробыл там всего несколько дней. А затем Монте-Карло. Карточный стол, груды фишек, невозмутимый крупье и, наконец, этот проклятый шарик, от которого дрожь проходит по коже. Что может быть в жизни лучше рулетки.

В кармане было несколько десятков тысяч франков. Не везло мне отчаянно. Я проклинал Лидию — очевидно она меня слишком любила. А ведь везение в игре и любовь несовместимы.

На второй день у меня осталась всего тысяча франков.

Я поставил эту бумажку на номер 13. Сделал вызов судьбе.

Шарик завертелся в рулетке. Я отвернулся. Меня

охватило почему то волнение. На полу увидел газету, и, чтобы отвлечься, поднял ее, взглянул и . . . замер от ужаса. На первой странице телеграмма из Берлина сообщала о самоубийстве русской, приехавшей в Берлин из Парижа.

Это была моя Лидия.

Я поднялся со стула. Как в тумане направился к выходу.

В этот момент раздался голос крупье. Счастливого номера я не расслышал. Мне было не до того.

У дверей меня нагнал мой сосед по столу. В руках у него было 36.000 франков. Он совал мне их в руки и кричал. что вышел номер 13.

Я отвернулся и молча вышел на улицу. Ведь смертью Лидии, я заплатил за неожиданное счастье в рулетке . . .

Вечер признаний

С УТРА не прекращалась метель. К 4 часам дня движение по улицам почти прекратилось. Автобусы и автомобили застревали в снегу, пешеходы тонули в сугробах.

Сочельник встречали по старой традиции у Николая, славившегося своим гостеприимством. Жил он на Бродвее, в центре Нью Иорка, и всем было близко к нему.

Николая любили, заходили к нему на огонек, запросто, без всяких церемоний. Знакомые часто приводили своих друзей. Временами собиралась очень разношерстная компания, разговор не клеился, пока не вмешивался сам Николай. Он знал тысячу всяких историй, рассказывал их с большим жаром, очень увлекательно и сразу привлекал к себе всеобщее внимание.

На этот сочельник, несмотря на непогоду, собралось у него много народа. Основательно выпили, налюбовались елкой. А затем, как обычно бывает в таких случаях, неожиданно водворилась тишина, которую тотчас же нарушил звонкий голос Николая.

— Послушайте, сказал хозяин, у меня блестящая мысль. Вспомните одного из персонажей «Идиота» Достоевского господина Фердыщенко, предложившего

на первом приеме у Настасии Филипповны, рассказать всем поочереди о своем самом некрасивом поступке. Не сделать ли нам тоже самое?

Со всех сторон раздались возгласы одобрения.

— Мое предложение не встречает возражений. Очередь установим по жребию.

Наскоро пересчитали всех присутствующих. Оказалось их 19. Сделали номерки. Быстро установили порядок очереди. Номер первый пришелся на хозяина.

— Очень доволен, что мне, как инициатору, выпала честь начать эту игру. Сами понимаете, — грешил я не мало. Больше, чем вы думаете и можете предположить. Но удивительно не это. Из всех совершенных мною проступков особенно отчетливо запечатлелся в памяти самый, казалось бы, незначительный, совершенный мною в раннем детстве. Происшествие это запомнилось мне на всю жизнь, между тем оно имело место лет 40 тому назад.

— Было мне в то время лет 7-8. Жили мы в Петербурге. При мне неотлучно состояла гувернантка француженка. Берет она меня как-то в магазин Елисеева на Невском. Поручили ей купить всяких деликатесов для дому. Входим в магазин. Глаза у меня разбегаются. Особенное внимание мое привлекали большие грецкие орехи. Мешок с ними лежал на полу. Хочется попробовать хоть один орех. Однако, проклятая француженка держит меня крепко за руку. Правда, левая рука у меня свободна. Я нацеливаюсь на один, самый большой орех и выжидаю удобного момента, чтобы

незаметно опустить его в карман. Внимательно слежу за приказчиком и француженкой. Вижу, приказчик поворачивается, да и француженка занята не мною. Дело секунды — орех пропадает в глубине моего кармана. Я чувствую себя подлинным героем.

— Приходим домой. Я хочу похвастаться моим достижением и торжественно извлекаю орех из кармана пальто...

— Что было дальше — вы легко можете себе представить. Влетело мне за этот орех по первое число. Обозвали меня воришкой и стыдили целую неделю.

— После этого случая один вид грецких орехов долгое время возбуждал во мне отвращение.

— Ну вот, я кончил и предоставляю теперь слово милейшей Екатерине Абрамовне, объявил Николай.

— Я взяла страшный грех на свою душу, начала рассказчица.

Моя история случилась во время второй мировой войны. Я постоянно жила в Париже. Когда пришли немцы, не двинулась с места, работала в качестве сестры милосердия в еврейской больнице имени Ротшильда.

Первое время оккупации мы находились на привилегированном положении. Нас не трогали. А может быть... просто забыли.

Мы боялись выходить на улицу... Жили, как в гетто.

Всех еврейских покойников города доставляли в наш морг. Ежедневно десятки евреев кончали жизнь

самоубийством, предпочитая смерть немецким зверствам. Мы вели статистику этих несчастных.

Когда число самоубийств увеличивалось, — мы знали, что это значит: новый немецкий разгул, новый еврейский погром.

Да, по количеству покойников мы судили о положении в городе. Самоубийства заменяли нам барометр.

А затем до нас дошел слух, что очередь за нами.

Узнали об этом накануне, а на следующий день нашу больницу оцепили отряды эс-эсов.

Наши переживания передать невозможно. Что делалось в больнице — трудно себе представить. У всех сестер милосердия был заготовлен на всякий случай яд.

В тот памятный день, в 6 часов вечера я вышла во двор. Был конец октября. Ранние сумерки.

В голове была одна мысль — бежать без оглядки. Но как это сделать? У ворот стояли эс-эсы.

Я постояла минуту, а потом присела на каменной лестнице.

Вижу, во двор въезжает машина скорой помощи. Из автомобиля выносят покойника и несут его в морг.

На обратном пути санитары подходят ко мне. Один из них говорит мне на ухо, что ему поручено спасти сестру-милосердия Розу В. Он не знает ее, никогда в жизни не видел. Лицо санитара мне незнакомо.

— Скорей отыщите Розу В. и пошлите во двор.

— Роза В. — это я! кричу я в ответ санитару.

— Шш... Больше ни слова, успокаивает меня санитар. Идите за мной.

Мы направляемся в морг. Меня кладут на носилки. Покрывают с головой одеялом. Вносят носилки в машину. Мотор автомобиля пускается в ход...

Так ценой жизни другой, я спаслась из этого ада. Что сталось с Розой В. — сестрой соседней палаты — я никогда не узнала.

На глазах Екатерины Абрамовны стояли слезы.

Гости переглянулись между собой и ничего не сказали.

Номер третий поспешил начать свой рассказ.

— Послушайте, у меня столько грехов, что просто не знаю с чего начать. Поведаю вам лучше историю, случайным свидетелем которой я оказался.

— Когда-то я жил в Лондоне. Жилось мне тяжко и работал я в качестве сторожа в одном из самых крупных отелей. В этом отеле познакомился с американцем-туристом. Исполнял для него всякого рода поручения и постоянно получал хорошие чаевые.

— Однажды, было это в субботу, после обеда, вызывает меня американец и спрашивает адреса известных лондонских ювелиров. Говорит, что хочет купить жемчужную булавку для галстука. Я даю ему эту справку, и забываю об этом разговоре.

— На следующий день сенсация. Все газеты сообщают об аресте героя моего рассказа, имя которого, предположим, было мистер Смит.

— Он пришел в указанный мной ювелирный магазин и попросил показать ему булавки для галсту-

ков. Выбирал минут 10, наконец, нашел подходящую и спросил о цене.

— Эта булавка стоит 120 фунтов, заметила продавщица.

— Цена мне подходит. Булавку я покупаю. Могу ли я расплатиться чеком, у меня совсем нет наличных.

В магазине смущение. Продавщица вызывает директора.

— К сожалению мы не можем принять ваш чек, заявляет директор. Мы вас не знаем, а банки уже все закрыты.

— Наведите справки в моем отеле. Я остановился в «Рице». Мне кажется — название отеля говорит само за себя.

Из магазина позвонили в отель и получили наилучшую справку. Мистер Смит выписал чек. Булавку положили в коробку, на которой значилась фирма и с этой коробкой в кармане пальто мой американец вышел из магазина, пересек улицу и вошел к другому ювелиру.

— Я только что купил эту булавку, заявил приказчице Смит, положив ее на прилавок. Уплатил за нее 120 фунтов. Теперь мне срочно понадобились деньги, а банки уже закрыты, я готов уступить эту булавку за 60 фунтов. Дайте мне только наличными.

Тут что-то нечисто, подумала приказчица и позвала хозяина. Хозяин взглянул на коробку, в которой лежала булавка, увидел название фирмы и позвонил туда по телефону.

В этом магазине поднялась паника. Никто не сомневался, что выписанный Смитом чек не имеет покрытия. Вызвали полицию, задержали американца и посадили в тюрьму.

Сообщая об этом происшествии, газеты возмущались поведением американцев в Европе; требовали строгого контроля туристов.

Все это случилось, как я уже сказал, в субботу, а в понедельник утром иду я по холлу отеля и неожиданно вижу моего Смита. Идет с торжествующим видом.

Через два дня я узнал подробности этой истории.

Субботу и воскресенье просидел Смит в тюрьме, а в понедельник утром чек его отправили в банк. Чек был тотчас же оплачен. Американца немедленно освободили из тюрьмы, а ювелирная фирма, заварившая всю эту историю, принесла Смиту свои извинения.

Но не тут-то было.

— Одними извинениями вы не отделаетесь, заметил американец. За нанесенное мне оскорбление, вы ответите перед судом.

(Забыл в начале рассказа упомянуть: оскорбление личности очень сурово карается в Англии).

Расчет Смита оказался правильным. Он вчинил фирме иск в размере 10.000 фунтов. Деньги эти ему присудили. И все это за то, что два дня его продержали в тюрьме.

Ловкий аферист вскоре уехал из Лондона. В день отъезда я получил от него королевские чаевые.

Рядом с последним рассказчиком сидел молодой человек с изможденным лицом. Он вытащил номер четвертый. Все взоры устремились на него.

— Господа, сказал он, я могу вам рассказать только очень страшную историю, но думаю, что она неуместна. Не хочу вам портить настроение.

Со всех сторон послышались возгласы:

— Просим, просим.

— Извольте. Я готов. Постараюсь быть очень кратким.

Я участвовал во французском движении Сопротивления. Летом 1943 года попался в лапы немцев и Сочельник провел в страшном немецком лагере Бухенвальде.

Мы были отделены от евреев. Сидели в бараках, предназначенных для политических преступников. Среди арестантов были представлены все национальности. Особенно много было русских.

Об обращении с нами и всех прелестях немецких концентрационных лагерей распространяться не буду. Всем это хорошо известно. С политическими немцы обращались несколько мягче, время от времени разрешали получать посылки от Красного Креста. А в Сочельник 1943 года решили устроить нам даже елку и приурочили к елке раздачу продовольственных посылок, о которых мы мечтали, как о манне небесной. Ведь люди буквально умирали с голоду.

Такая необычайная милость, как устройство елки,

показалась большинству заключенных подозрительной. Они ждали подвоха.

Так и случилось. В 6 часов вечера нас позвали в соседний барак, пристроенный к казарме эс-эсов. Посередине барака стояла елка увешанная посылками. Елку подпирали трупы наших товарищей. Да, представьте себе, вокруг елки лежали трупы людей, тех людей, которые вчера еще были среди нас. Для того, чтобы снять с елки посылку, нам нужно было переступить через труп товарища.

Нарисуйте себе картину до-нельзя изголодавшихся людей, своим видом напоминающих диких зверей и мечтающих о какой угодно еде. Ведь мы пожирали помои. И вот этим людям предоставляется возможность утолить свой голод посылками со всякою снедью, но для этого нужно переступить через трупы.

Ни один не тронулся с места. Никто не снял с елки посылки. Все остались стоять, как вкопанные и через минуту разошлись по баракам.

Я вернулся к себе. Лег. Спать не мог. Голод не тетка. Пытаюсь заснуть и снятся мне всякие яства. Просыпаюсь. Лежу с открытыми глазами. Прислушиваюсь, что делается рядом со мною. Барак спит крепким сном.

Я поднимаюсь бесшумно со своей койки, выхожу на двор, пробираюсь в помещение, где эс-эсы устроили нам елку. Елка стоит на месте. На елке висят посылки. Закрываю глаза, ступаю по трупам, подхожу к елке и снимаю посылку. Стремглав выбегаю из ба-

рака. Ищу уединенного места и пожираю ее содержимое.

На следующий день мне стыдно было взглянуть в глаза товарищам. Они и не подозревали, что я совершил такой грязный поступок.

Наступило неловкое молчание, которое опять прервал Николай.

— На этом рассказе я предлагаю закончить игру. Достаточно поговорили. Остальные рассказы отложим до следующей встречи. А теперь будем танцевать.

ОГЛАВЛЕНИЕ